

ОГОНЁК

№ 49 НОЯБРЬ 1959

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Чехословакия. Строительство гидроэлектростанции на реке Влтаве.

Фото Е. Умнова.

На первой странице обложки: Воины, служившие в Группе советских войск в Германской Демократической Республике, возвращаются домой после демобилизации. Многие из них едут добровольцами на строительство Западно-Сибирского металлургического завода.

Фото И. Гричера.

На последней странице обложки: Первая тренировка.

Фото Дм. Бальтерманца.

Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 49 (1694)

29 НОЯБРЯ 1959

37-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

19 ноября в Москву по приглашению Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева прибыл Президент и Председатель правительства Гвинейской Республики Секу Туре. Вместе с Президентом прибыли его супруга 2-жа Секу Туре, председатель Национального собрания Сайфулай Диалло с супругой, министр внутренних дел и безопасности Кейта Фодоба.

Гагра. 23 ноября Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев принял Президента и Председателя правительства Гвинейской Республики Секу Туре. На снимке (справа налево): Н. А. Мухитдинов, Н. С. Хрущев, Секу Туре, посол Гвинейской Республики в СССР Сейду Конте и председатель Национального собрания Гвинейской Республики Сайфулай Диалло.

Фото В. Савостьянова и И. Григорова
(Фотохроника ТАСС).

ВЫСОКИЙ ГОСТЬ ИЗ ГВИНЕИ

Президент и Председатель правительства Гвинейской Республики Секу Туре и сопровождающие его лица посетили рабочий кабинет В. И. Ленина и его квартиру в Кремле.

Фото А. Гостева.

Мексиканцы: «РУСИЯ—ХОРОШО!»

Г. БОРОВИК,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора (переданы по фототелеграфу).

Свой первый репортаж из далекой Мексики я начну цитатой из одной западной газеты. Вот что было напечатано в ней за несколько дней до прибытия первого заместителя Председателя Совета Министров СССР А. И. Микояна в эту прекрасную страну: «Если бы можно было провести опрос мексиканского общественного мнения, то оказалось бы, что, по мнению мексиканской общественности, в настоящее время не следует иметь никаких дел с русскими. Визит Микояна не оставит в Мексике никакого следа».

Передо мной лежит снимок, сделанный на аэродроме Мехико-Сити 18 ноября, через несколько минут после того, как Анастас Иванович Микоян вышел из самолета. Очень хочется, чтобы через моря и континенты бильд донес до советских людей ту атмосферу теплого, дружеского гостеприимства, которым сразу же окружили мексиканцы посланца Советской страны.

Я не знаю профессий, взглядов на жизнь, политических убеждений тех, кто стоял у барьера на аэродроме Мехико-Сити. Наверное, среди них были и рабочие, и студенты, и мелкие торговцы, и безработные. Все эти простые люди, оказавшиеся на аэродроме Мехико-Сити, объединились в едином порыве горячих и искренних приветствий гостю из Советского Союза.

Раздается звонкое испанское «Вива Русия!», «Вива Микоян!» и русское: «Русия — хорошо!», «Здравствуйте!», «Вице-премьер, ура!», «Мир — очень хорошо!», «Дружба!»

Но, возможно, журналист, которого я цитировал вначале, имел в виду не этих «людей на улице», а, например, политических деятелей Мексики? Тогда ему не мешало бы дождаться 19 ноября, когда А. И. Микоян принимал и слушал сенат мексиканского конгресса. Не часто сенат Мексики бывал свидетелем такой теплой встречи — это говорили мне многие члены конгресса.

Сенатор Мануэль Морено Санчес сказал корреспонденту «Огонька»:

— Я думаю, что визит вице-преьера Микояна принесет огромную пользу для дружбы и сотрудничества между СССР и Мексикой и всей Латинской Америкой. Нам нужно такое сотрудничество и в области образования, и в области культуры, и в области торговли, и в области борьбы за мир. В этом смысле приезд вице-преьера Микояна — крупное событие в истории нашего государства. Мне хочется надеяться, что будет время, когда в нашу страну приедет и господин Хрущев. Он увидит, что Мексика примет его с еще большим энтузиазмом и дружбой, чем принимали его Соединенные Штаты Америки.

Но, может быть, оконфузившийся журналист, с такой уверенностью писавший об «общественном мнении» Мексики, имел в виду не политических деятелей, а деятелей торговли, промышленности, финансов?

Ну, что ж, тогда предоставим слово крупнейшему банкиру Мексики — директору Мексиканского национального банка внешней торговли господину Севада.

— О, визит господина Микояна в Мексику, — сказал банкир Севада, — замечательное свидетельство дружбы между нашими странами! Полтора десятка лет назад были установлены первые деловые торговые связи между нашими государствами. Теперь эти связи окрепнут, расширятся.

— Полезны ли для Мексики торговые связи с нашей страной? — спросил я банкира.

— Безусловно! Нам нужно увеличивать свои рынки, нам выгодно продавать товары большему числу стран и покупать у большего числа государств, как западных, так и восточных, чтобы не зависеть от какой-нибудь одной страны или группы стран.

...Итак, простые люди, политические деятели, крупнейшие бизнесмены... Кого же еще имел в виду оскандалившийся журналист, употребляя выражение «общественное мнение»? Мне кажется, что, печатая приведенные выше строки, газета оглядывалась на людей, живущих за пределами Мексики, на тех, кто, мягко говоря, «ревниво» относится к любому признаку улучшения отношений между Советским Союзом и Мексикой и вообще странами Латинской Америки.

На одном из приемов к Анастасу Ивановичу подошел мексиканский корреспондент и спросил, что Советский Союз собирается предпринять для увеличения торговли с Мексикой.

— Мы никому не навязываем нашу торговлю, — ответил А. И. Микоян. — Торговля — это такая вещь, которую не предлагают в мешке. О ней надо говорить открыто. Ваши торговцы подсчитают рубли, доллары, песо и решат, выгодно им торговать с нами или

невыгодно. И тогда примут решение.

Слушая этот разговор, я вспомнил другую беседу, которая состоялась несколькими днями раньше, за много тысяч километров к северу от солнечной Мексики, на суровой земле Исландии, где наш самолет сделал двухчасовую остановку.

Эпиграфом к этому разговору между А. И. Микояном и министром торговли и культуры Исландии Г. Гислассоном на аэродроме Кевфлавик может служить фраза, сказанная Анастасом Ивановичем: «Торговля — это и есть мирное сосуществование».

— Советский Союз, — сказал министр торговли и культуры Исландии Гислассон, — один из самых крупных наших торговых партнеров. Если бы вы, господин Микоян, сейчас отправились в Рейкьявик на такси, то эта автомашина, вероятней всего, оказалась бы вашей «Волгой». Если бы вы зашли к нам в один из ресторанов, то смогли бы заказать русскую водку.

— Что ж, это хорошо, — отвечает А. И. Микоян. — А мы в СССР нашу русскую водку с удовольствием закусываем исландской селедкой.

— Наши отношения, — продолжал Гислассон, — улучшаются с каждым годом. А за последние 6—7 лет особенно возросла торговля. Товарооборот с Советским Союзом составляет 20 процентов нашей торговли.

— А нет у вас недовольства нашими методами, практикой торговли? — спрашивает Микоян.

— Нет, эта практика все время улучшается. Были затруднения вначале, но потом мы их преодолели, — следует ответ.

— Я задал этот вопрос, — про-

должает А. И. Микоян, — не случайно. В Соединенных Штатах Америки много пишут, будто русские диктуют свои условия торговле, что торговать с нами якобы трудно, что торговля с нами не удовлетворяет наших партнеров.

— Вы знаете, — отвечает Гисласон, — что мы больше всего покупаем у вас нефть и нефтепродукты. Они составляют около 80 процентов нашего импорта из Советского Союза, и поставки эти организованы очень хорошо.

Анастас Иванович Микоян перечисляет ряд товаров, которые могли бы покупать в Советском Союзе исландцы. И добавляет шутливо:

— У нас, между прочим, фотоаппараты неплохие. Почему бы вам не купить фотоаппарат, который сфотографировал невидимую сторону Луны? Ведь такого нет ни в одной стране... Между нами существуют хорошие отношения, — продолжал А. И. Микоян серьезно, — но ведь все хорошее всегда можно и нужно улучшать. Наш премьер-министр Никита Сергеевич Хрущев неустанно борется за мирное сосуществование. Ему удалось убедить многие миллионы американцев в том, что это — дело хорошее. Вас, мне кажется, уговоривать в этом не надо. Вы согласны?

Окружающие одобительно смеются.

— Плохо только, что у вас здесь существуют американские военные базы, — добавляет Анастас Иванович. — Когда будет принято советское предложение о разоружении, все базы будут разоружены, на их месте можно будет устраивать спортивные игры. А зимой там получится хороший каток.

— Недавно представитель Исландии в ООН, — замечает советский посол А. М. Александров, — выступил в поддержку советского предложения о разоружении.

— Это хорошая политика, — одобряет А. И. Микоян.

Сейчас, когда пишутся эти строки, над Мехико уже спустились сумерки. Возле редакций собрались толпы восэрос — мальчишек-газетчиков. Через несколько минут они получают кипы газет вечернего выпуска, погрузят их большими штабелями на велосипеды, так что самого восэро и не разглядеть, и помчатся во все концы четырехмиллионного города разносить весть о дружеской беседе между президентом Мексики Адольфо Лопесом Матеосом и А. И. Микояном.

Восэрос будут продавать газеты рабочим людям, остановившимся перекусить около уличных продавщиц тортильяс — маисовых лепешек. Их крики раздадутся и в кварталах бедноты и на величественной и чопорной площади Соколо, построенной испанцами на месте древнего города ацтеков. Там находится президентский дворец, стены которого украшены фресками гениального Диего Ривера.

В этом дворце мне посчастливилось присутствовать при начале беседы между А. И. Микояном и Адольфо Лопесом Матеосом.

— Мне поручили, — сказал А. И. Микоян, — передать вам сердечный привет от Н. С. Хрущева и от Советского правитель-

ства. Мы в нашей стране высоко ценим заявление о принципах независимости и невмешательства в дела других стран, сделанное вами в ООН.

— Благодарю вас, — ответил Адольфо Лопес Матеос. — Эти принципы Мексика защищает традиционно. Вся история нашей страны — доказательство этому.

— Нам доставляет большое удовольствие, — продолжал президент, — ваше пребывание в Мексике в связи с открытием советской выставки, которая вызвала огромный интерес среди мексиканского населения.

— Мы благодарны мексиканскому правительству, — сказал А. И. Микоян, — которое очень дружелюбно отнеслось к идее выставки и очень быстро организовало ее строительство.

Спускаются сумерки над Мехико, закрываются магазины, начинается пляска электрических огней на рекламных щитах. Разошлись по домам служащие, а на улице Лопес уже не толпятся марьячес — уличные музыканты и певцы, которых можно «заказать», как такси, по телефону к любому подходящему случаю. Зажегся свет в окнах небоскребов в центре города и в маленьких домиках на окраине. В богатых особняках на Пасео де ля Реформа и в бедных кварталах старого города горячо обсуждается большая, хорошая новость: в Мексику приехал Микоян. Дружба между странами укрепитя: это выгодно всем.

К Анастасу Ивановичу Микояну здесь многие обращаются с вопросами. На приеме в советском посольстве к нему подошел директор местного отделения американского телеграфного агентства Ассошиэйтед Пресс мистер Гаттилл и спросил:

— Как вы можете сравнить, господин Микоян, прием, который оказывают вам здесь, в Мексике, с приемом, который вы встретили во время пребывания в США?

— Своей поездкой в США я очень доволен, — отвечает А. И. Микоян. — Там были некоторые трудности, но народ, простой народ, очень хорошо относился к визиту. Посещение Мексики проходит совсем в другое время. Я был в США, когда еще был крепок и прочно стоял лед «холод-

ной войны». Теперь, после визита в США товарища Хрущева, лед «холодной войны» сломан, он крошится. А здесь, в Мексике, не только тепло, а даже жарко.

— Вы оптимист, господин Микоян, — заметил Гаттилл.

— Наш оптимизм оправдан историей, — ответил Анастас Иванович. — Ведь год тому назад никто не думал, что Хрущев будет приглашен в США. Но этот визит состоялся, и скоро в Советский Союз приедет президент США Эйзенхауэр.

21 ноября, в тот час, когда в Москве наступил уже вечер, а американское солнце еще не поднялось в зенит, Анастас Иванович

Микоян разрезал красную ленту у входа в Национальную аудиторию, распахнув символическую дверь советской выставки в Мексике.

С большим интересом знакомился с экспонатами выставки президент Мексики Адольфо Лопес Матеос. Подолгу стоят посетители у стендов с промышленным, техническим, медицинским оборудованием, с пристальным вниманием рассматривают фотографии, диаграммы, схемы. Ведь здесь, в здании Национальной аудитории, заключен кусочек далекой страны, капля жизни народа, симпатии к которому мексиканцы так искренне и экспансивно выражают в дни визита в страну Анастаса Ивановича Микояна.

А. И. Микоян и президент Мексики Адольфо Лопес Матеос во время осмотра советской выставки.

На приеме в сенате мексиканского конгресса в честь А. И. Микояна. Крайний слева — председатель сената Эдуардо Ливас Вильярель.

ВТОРОЙ ШАГ

Леонид ИВАНОВ

Заметки писателя

В те дни, когда шла реорганизация МТС, пришлось мне быть в колхозе «Россия». Возглавлял эту артель тридцатитысячник Степан Лавров.

Большоголовый, коренастый, широкоплечий, Степан Федорович с трудом втиснулся за свой маленький столик в кабинете. С Лавровым мы знакомы давно. В прошлом он тракторист, комбайнер, заведовал ремонтными мастерскими, потом стал заместителем директора одного из передовых в Омской области, Северо-Любинского совхоза. Тут-то к нему и присмотрелись соседи-колхозники и попросили райком: направьте Лаврова к нам председателем. Просьбу уважили. Степан Федорович довольно быстро навел порядок на артельных землях и животноводческих фермах, и дела круто пошли в гору. Каждый год артель укрупнялась и все равно шла впереди других.

— Своя теперь техника-то! — хитровато подмигнул Степан Федорович. — Своя!

— Значит, и забот председателю больше?

Надо сказать, что в те дни некоторые председатели колхозов говорили о лишней хлопотах в связи с покупкой техники. А Лавров высказал другое:

— Насчет хлопот — это на практике увидим. Вот только с ремонтом как...

В кабинет зашел Черемисин — здешний агроном и руководитель колхозной партийной организации.

— Я готов, Степан Федорович! — Поезжай, Николай Николаевич! Да смотри не стесняйся, если нужно, лишнюю слезинку пустить. Без станков не возвращайся.

Когда Черемисин вышел, Лавров сказал:

— К шефам в город поехал. В трудную минуту они всегда выручали...

— В чем же сейчас трудность? — Как в чем? Мы закупили технику всех трех тракторных бригад. На ходу, так сказать. А если чего полатать, — езжай к дяде. Это не резон. В этом деле мы немало горюшка хлебнули еще в совхозе, когда свои тракторы появились. Да вы и сами, поди, помните те годы.

Да, я помнил те тридцатые годы, когда поток техники для совхозов быстро нарастал, а ремонтная база, особенно в животноводческих хозяйствах, сильно отставала. Создали тогда межрайонные ремонтные мастерские. Совхозы

отправляли туда моторы тракторов, а в помощь и своих механизаторов.

— Помните, как, бывало, ругали Тюкалинскую межрайонную мастерскую за качество ремонта? — продолжал Лавров. — А расходов лишних сколько! Долго ли просуществовала та мастерская? Передали вонять моторы. Трудненько было, но все же дома ремонтировать как-то удобнее. А ведь РТС — та же межрайонная мастерская. Теперь мы уж как-нибудь сами... Тот опыт учтем. Нет, только не к дяде на ремонт! — заключил Лавров и взмахом пухлой короткопалой руки как бы подвел черту под всеми сомнениями.

А я продолжал спорить с ним: — Но ведь в те годы межрайонные мастерские были плоховато оборудованы. Теперь же в РТС отличные станки, значит, и качество ремонта улучшится.

— Мы и это дело обсуждали, — заметил Лавров. — Коммунистов собирали, с механизаторами толковали. А они все в один голос: хватит! Надо и дома пожить. Механизаторы все лето в поле, на полевом стане. Ну, с этим они мирятся: условия производства такие, что тут поделаешь? Но ведь и зимой они должны были уезжать из дому. Куда? Да в ремонтные мастерские. Значит, опять в стороне от семьи. Одним словом, наши механизаторы требуют, чтобы мастерская была своя!

— А куда же оборудование РТС?

— Куда?... Лавров развел руками. — Продали бы артелям. Только так! РТС от нас за двадцать километров, за разной мелочью не набегаешься!

— Каждому колхозу свою мастерскую? Не дороговато ли будет?

— Подумать требуется! — вскинул голову Лавров. — Гаражи колхозам теперь надо строить? Надо. Машин накупили — сараи для них будем строить? Будем. А здание мастерской не так уж дорого стоит.

— Тогда РТС, выходит, не нужна?

— А может, кое-где и не нужна. — И снова заметил: — Подумать требуется. У каждого колхоза свои расчеты. Мы свою мастерскую построить можем. А вот «Заре» не под силу. Они победнее. Только опять же... Может, таким, как «Заря», собраться да на три — четыре артели всю РТС купить? Им, пожалуй, выгоднее одну мастерскую на несколько колхозов открыть. Межколхозную... Да и

вообще! — воскликнул вдруг Лавров и, повернувшись ко мне всем корпусом, продолжал наставительно: — Вот говорим: работники МТС не были заинтересованы в увеличении урожая на колхозных полях, им лишь бы гектаров мягкой пахоты побольше выработать. Так? А что же, работники РТС очень заинтересованы будут в росте наших урожаев? Ведь за наши урожаи у них голова не очень-то болит. И не получится ли, как у того сапожника? — Лавров улыбнулся. — Всем обувку чинил, да так, чтобы и не очень плохо, но и не очень прочно. При такой тактике он всегда с заказчиками, ну, и заработки соответственно. Вот так и с РТС может получиться.

— Что же вы предлагаете?

— Сделали первый шаг, надо и второй сделать. До конца дело довести. Продать и ремонтную технику...

Нынешним летом я снова повстречал Лаврова. Он живо рассказывал, как удалось им построить и оборудовать в колхозе свою мастерскую. Настроение у него хорошее, собирается вызывать на соревнование свой бывший совхоз, хотя и тот набирает темпы.

Вот эти беседы с Лавровым припомнились мне, когда я приехал в колхоз имени Свердлова, Русско-Полянского района, Омской области, в зону массового освоения целинных земель.

Косовица хлебов на свал уже началась, а возле центральной усадьбы много уборочных машин. Тут и самоходные комбайны «СК-3», и прицепные, и жатки. Помощник бригадира тракторной бригады Василий Евсеев досадует:

— За стопорными гайками уже два раза в РТС бегал. Только завтра обещают, а делов-то там на два часа одному человеку...

На мотоцикле приехал бригадир Карл Якобсон. Передав тормозную ленту подбежавшему трактористу, он спросил у помощника:

— Ну, как дела идут?

— Никак! — огрызнулся тот. — Стопорные гайки не готовы, шестеренку опять не успели починить.

Якобсон сжал губы, покачал головой: — Вот так всякий раз... До РТС все же одиннадцать километров, а с дальних полей — больше двадцати. Не очень-то набегаешься!

К Якобсону подбежал тракторист с тормозной лентой в руках.

— Куда вы глядели! — выкрик-

нул он. — Ленту-то наклепали так, что ее на трактор ставить нельзя. Якобсон повертел ленту в руках и негромко, но зло выругался.

— Разве за всем усмотришь? Механик день и ночь шныряет от поля до РТС и обратно, а товарищам из РТС лишь бы с рук сбить. Они и план того месяца перевыполнили, премии получили, а ты вот майся...

В это время подошел комбайнер и напомнил о каких-то деталях. Для новых комбайнов «СК-3», только что купленных в РТС, недостает нескольких деталей.

— «Предъявляйте претензии — оплатим», — кого-то передразнивает Якобсон. — А кому нужны эти претензии? Нам хлеб убирать надо.

И тут выяснилось, что в поисках недостающих деталей Якобсон «за границу ездил» — в Казахстан. Кое-что привез, но не все...

— А товарищи из РТС и в ус не дуют: на нет, мол, и суда нет... Я рассказал про Лаврова.

— И мы своему председателю советуем: давай дома машины ремонтировать. Да вот в районе возражают: если каждый колхоз свою мастерскую заведет, что же РТС делать? Ценное оборудование простаивать будет. Тоже верно. Но и с нынешним порядком мириться нельзя.

Побывал я и в других колхозах зоны Русско-Полянской РТС. Везде высказывают недовольство станцией.

Но, может, все это потому, что РТС здесь плохая? Нет, оборудование в ней первоклассное. Может, неправильные взаимоотношения установились? Возможно. А как в других районах?

Недавно побывал я в Одесском районе. Последние годы здесь собирают наиболее высокие урожаи зерновых. Среди других выделяется тут артель имени Калинина, где председательствует Герой Социалистического Труда Александр Степанович Швыммер. «Дед», «наш дед» — так зовут его колхозники. Ему семьдесят лет, из них больше двадцати — председатель артели.

Поиски «деда» привели меня в новую колхозную мастерскую. Александр Степанович — высокий, грузноватый. Слегка сутулясь и заложив руки за спину, он стоял посреди мастерской, слушая, как механик предлагает разместить оборудование. Глянув на меня большими глазами, «дед» тронул рукой пышные, не успевшие еще посесть усы и широко улыбнулся:

— Вот своей обзавелись!

Здание мастерской построено капитально: на каменном фундаменте, под шиферной крышей, с большими окнами и паровым отоплением. В монтажном цехе одновременно размещаются восемь тракторов.

— Во сколько же обошлась мастерская?

— Тысяч в двести. Да оборудование столько же стоит...

Четыреста тысяч! Сумма большая. Однако и доходы здесь превысят нынче тринадцать миллионов рублей!

— А главное, — продолжает Швыммер, — нельзя крупному колхозу без своей ремонтной базы. Сами посудите: у нас теперь пятьдесят два трактора, сорок восемь комбайнов, двадцать семь автомашин!

— Значит, связи с РТС преувеличили?

— В том и беда, что не прервали, — тяжело вздохнул «дед». — За любой новой деталькой туда ездим. Снабжение! Ох, и непорядок же это! Мы ежедневно в город посылаем по несколько грузовиков. Сами могли бы купить все необходимое, без посредников.

Разговор об РТС я вел и в областном управлении сельского хозяйства. Мне говорили там: в колхозных мастерских трудно обеспечить высокое качество ремонта. Я высказал эти мысли Швыммеру. А он в ответ:

— Как же! Не обеспечишь!.. Вот и обеспечили.

Но все ли колхозы могут расходовать сотни тысяч рублей на ремонтные мастерские? Под силу ли им такое?

— Всем, конечно, не под силу, — согласился Иван Максимович Мусатов, секретарь Одесского райкома партии. Морщинки на его уставом, осунувшемся лице (только что свалилась с плеч страда и хлебозаготовки) немного разгладились, глаза — серые, внимательные — заискрились. — Всем не под силу! — повторил он. — Однако жизнь требует. Недавно бюро занималось этим вопросом. Товарищи из РТС обижаются: заказчики от них уходят, ценное оборудование не загружено, кадры... Впрочем, надо сказать, кадры у них поизмельчали: те, что поопытнее, в колхозы ушли. Там выгодней. Но самое тревожное — неаккуратно выполняют заказы и дорого.

— Значит, в колхозе имени Калинина поступили правильно, построив свою мастерскую?

— Мы такую инициативу официально не поддерживали, оставались, можно сказать, нейтральными. А вот колхозники решили... Есть сейчас и такое веяние: купить нескольким колхозам одну мастерскую для совместного пользования. Межколхозный совет создать... Сообща контролировать. Вариант подходящий.

В эти дни перед Пленумом ЦК КПСС в колхозах живо спорят об РТС. Хозяева техники хотят стать хозяевами и средств ее ремонта. «А то остановились на полпути... Первый шаг сделали...»

Вариантов «второго шага» я слышал много. Но вот что примечательно — никто не предлагал укрепить РТС.

Значит, назрел вопрос, именуемый кое-где «завершением реорганизации МТС—РТС». Пока еще трудно сказать, правы ли Лавров и Швыммер, оборудовав свои колхозные мастерские. Правда, оба ссылаются на Кубань и Ставрополь, где крупные колхозы тоже обзавелись такими мастерскими. Однако бесспорно и то, что сравнительно небольшим артелям, располагающим одним — двумя десятками тракторов, соорудить собственную ремонтную мастерскую едва ли целесообразно: и дорого и ценное оборудование полностью не загрузишь. Вот тут-то и может оказаться приемлемым вариант, когда несколько колхозов обзаведутся одной мастерской для коллективного пользования.

Но так или иначе «второй шаг» надо делать. И очень важно не допустить тут шаблона, повнимательней присмотреться к опыту передовых хозяйств и сделать «второй шаг», как делался и первый, с учетом местных, конкретных условий.

Омская область.

В центре нашего села

В Аргамакове, одном из приокских сел Рязанской области, праздник: открывают сельский Дом культуры.

На торжество съехались из многих сел. Среди гостей один из организаторов и первый председатель колхоза «Красная культура» Василий Григорьевич Кошкин. В начальные годы коллективизации он много сделал для хозяйства артели, и до сих пор здесь вспоминают его с благодарностью. Теперь В. Г. Кошкин руководит колхозом «Родина».

Более 12 лет пробыл у руководства хозяйством и Александр Харлампиевич Панфилов. Только болезнь заставила его перейти на более легкую работу — стать счетоводом.

Вот и встретились три председателя: нынешний — Василий Никитич Кирюхин, Панфилов и Кошкин.

Сегодня в районе еще один праздник: выполнили третий годовой план продажи мяса.

— Добрый разбег набрали, — говорит В. Г. Кошкин. — Вот наш колхоз «Родина» три года назад сдавал государству всего по 5 центнеров мяса в год. А теперь сдаем 125 тонн. В 250 раз больше!..

— У нас таких громких цифр нет, — улыбается В. Н. Кирюхин. — А если говорить по чести, то поработали мы не хуже. Еще в октябре, в первых числах, выполнили три с лишним годовых плана по поставке мяса. И сейчас продаем.

Но не только своими деловыми успехами славятся животноводы, овощеводы, строители, механизаторы села Аргамакова. В колхозе есть хор, который не раз был победителем на всероссийских смотрах. Руководит хором 78-летний колхозник Семен Семенович Минаев.

Есть в хоре и свой автор песен — колхозница Мария Ильинична Илюшкина. Многие песни, в которых и слова и музыка принадлежат Марии Ильиничне, — «За партией идем», «Вот под горкой-горой», «Золотая звезда», «Снег пушистый» — вошли в репертуар профессиональных хоров.

Еще не раскрылись двери Дома культуры, а молодежь уже распевает новые частушки, сложенные М. И. Илюшкиной в честь торжества:

У колхозников у наших
Жизнь чудесно расцвела:
Вырос новый Дом культуры
В центре нашего села!

Г. ЦЫГАНКОВ

Фото Д. Ухтомского.

Дом культуры в Аргамакове.

На первой репетиции в новом Доме культуры. В центре — основатель хора С. С. Минаев и автор песен М. И. Илюшкина.

ЗВЕНИТ ПСКОВСКИЙ ЛЕН...

Н. ХРАБРОВА

Может быть, шелковая скатерть придает столу особую нарядность. Но, когда хочется, чтобы в комнате было свежо и светло, чтобы стол был торжественным и веселым, вы постелите серебристо-белую льняную скатерть!

А разве шелк или хлопок могут сравниться с льняными простынями, пододеяльниками, наволочками, полотенцами? Только льняные ткани умеют быть прохладными и теплыми, упругими и мягкими, твердыми и нежными. А что касается прочности, то и здесь они могут кое в чем поспорить с самыми прочными тканями: льняное полотно не испугаешь ни кипятком, ни горячим утюгом!

Одним словом, лен!

...На этих древних полях, под голубым северным небом он растет с давних-давних пор. Еще и в помине не было на берегу реки Великой красивого белокаменного города Пскова и не стояла на холме среди зеленых боров славянская крепость Изборск, а на полях землепашцев-кривичей каждую осень звенел своими золотыми бубенчиками долгий и тонкий лен.

Почему псковский лен всегда считался и считается лучшим в мире? Этому есть по-научному точное и в то же время очень поэтичное объяснение: лен любит Псковщину! Любит именно такую почву, такой длинный летний день

и сумеречный свет белых ночей, такие дожди и утренние росы, как здесь, и таких трудолюбивых, талантливых мастеров-льноводов, как псковичи.

Поволжские, вятские, новгородские и прибалтийские крестьяне испокон веков ездили к псковичам за льняными семенами, так что, если строго разобраться, во всех сортах наших льнов течет породистая зеленая кровь псковского долгунца. И не только у нас дома! В Англию, Бельгию, Италию, Голландию, Францию шли псковские «бочковые льны» (семена, упакованные в бочки) для улучшения сортов, выращиваемых за границей. Пожалуй, теперь уж нет на нашей планете льноводческого района, где не встретишь близких или дальних родственников псковского долгунца.

Вот он какой, наш псковский лен!

...Давно уже закончена уборка зерновых в колхозе «Россия», Порховского района. Но поля не опустели: с них еще не ушел лен. Конечно, на корню его уже не увидишь: он вытерблен, — но зато стоит в бабках, или блестящей бледно-золотой корой лег на стлищах, или, поднятый с них, сохнет в конусах. Много его нынче на псковских полях!

— Лен — главная наша сила, — рассказывает председатель колхоза Дмитрий Иванович Иванов, пожилой человек с обычной для своего поколения биографией, красногвардеец, партизан, коммунист. — Десятимиллионный доход нашего колхоза складывается из шести миллионов от льна, двух миллионов от свиноводства, остальные два — за счет молока и овощей. А лен, если хотите знать, еще никогда в такой силе не был, как теперь!

Дмитрий Иванович выдергивает из конуса горсть сухой тресты, мнет ее крепкими пальцами. Осыпаются чешуйки костры, и в руках у председателя остается длинная тонкая прядь волокна сизого цвета. Она шелком развевается на ветру, отливая серебряным блеском на скупом осеннем солнце. Не нужно быть специалистом по

льну, чтобы понять: волокно высокого качества.

— Ничего ленок, — говорит Дмитрий Иванович. — Должен бы пойти высоким номером — и на экспорт.

Должен бы. А пойдет ли?

Может и не пойти, если будет плохо обработан.

— На свой колхоз не сетую, — продолжает Дмитрий Иванович, — у нас рабочих рук хватает. Там же, где их мало, механизмы нужны. А механизмов-то и нет. Те же, что имеются, дипломатично говоря, оставляют желать лучшего. Правда, рядовая льносеялка — машина неплохая, с севом управляется быстро. С прополкой тоже нас химикаты выручили. Но не летом начинаются главные трудности со льном, а осенью, когда непогода настаёт. Тут-то лен и требует к себе наивысшего внимания. Начнем с тербления. Машина такая — льнотеребилка — есть. Тербит все подряд — и лен и сорняк — и притом семенную коробочку портит и снопов не вяжет. Значит, женщины должны идти за той машиной, отбирать сорняки и вязать снопы. Да только семенной коробочки уж не исправимы!

Дальше. До революции у нас крестьяне мочили лен, чтобы отделить волокно от костры. Нам приходится стелить: льна очень много, стелить проще и легче. Но моченцовый лен по качеству лучше получается, чем стланец. Прежде крестьяне в копанцах мочили — ямы такие копали в синих глинах. Значит, нужен хороший, простой и недорогой проект баков для искусственной мочки и сушилок тресты.

Но мочку не все колхозы сразу завести у себя могут, да и не всем льнам это нужно. Расстил льна мочкой не устраняется. Только стелить внаклон да часто под дождем — дело нелегкое. А где они, машины, которые расстелят лен и поднимут его через восемнадцать суток? Нет таких машин! А треста или недолеживает или перележивает — портится!

Так вот, будут у нас машины, мочильные баки, химикаты, — сло-

Обмолот льна.

Фото А. Узляна.

вом, полная механизация, — такое волокно будем вырабатывать в колхозах, какого еще мир не видел: самых высоких номеров! — заканчивает Дмитрий Иванович.

Сейчас колхоз «Россия», как и все остальные, сдает государству большую часть льна не волокном, а трестой.

А в Локнянском районе, Псковской области, в поселке Самолуково, есть интересный завод по переработке льна. Он принимает от колхозов соломку — то есть только что вытербленный лен. Это — большое облегчение колхозам: не надо самим готовить тресту. Лен отмачивается в теплой воде в больших баках. В одном баке вода отличается цветом — серовато-голубая.

— Синяя глина, — говорит главный инженер завода В. А. Михайлов.

Вот оно что! Василий Алексеевич решил в заводском масштабе возродить псковскую традицию: вымачивать лен в синей глине. Кто знает историю льноводства, наверняка слышал о лучших на Псковщине шемьякинских льнах, вымоченных в синей глине. Вот и на Самолуковский завод из Шемьякина доставлена синяя глина (ее, кстати, не только в Шемьякине, но и повсюду на Псковщине хватает). Итог первого опыта радует: волокно получилось эластичным, с хорошим голубоватым «шемьякинским» отливом. Хорошо бы вспомнить о синей глине сотрудникам Центрального научно-исследовательского института льна и наладить использование ее в государственном масштабе.

Год от года хорошеют льны на Псковщине. Только вот переработка их пока еще большое место.

Да! И сам большой лен, богатый и красивый на корню и часто неприглядный в пыльных кипах короткого волокна, потерявший свою золотую силу только из-за плохой обработки, настойчиво говорит о том же.

ВТОРАЯ СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР пятого созыва открылась в Москве 24 ноября. Сессия рассмотрела государственный план развития народного хозяйства РСФСР на 1960 год и государственный бюджет РСФСР на 1960 год, а также приняла закон о порядке отзыва депутата Верховного Совета РСФСР.

На снимке: депутаты в перерыве между заседаниями. Слева направо: председатель колхоза «Большевик», Владимирской области, Герой Социалистического Труда А. В. Горшков, тракторист-новатор Н. Ф. Мануковский из колхоза имени Кирова, Воронежской области, и звеньевая колхоза «Красный маяк», Воронежской области, А. М. Челнокова.

Фото А. Гостева.

В РАЗВИТИЕ КОНТАКТОВ И СВЯЗЕЙ МЕЖДУ СССР И США сделан новый вклад. 21 ноября в Москве было подписано Соглашение между СССР и США о сотрудничестве в обменах в области науки, техники, образования и культуры. Это новое соглашение (предыдущее соглашение было подписано в начале 1958 года) послужит улучшению взаимопонимания между американским и советским народами.

На снимке: председатель Государственного Комитета по культурным связям с зарубежными странами при Совете Министров СССР Г. А. Жуков (справа) и посол США в СССР Л. Е. Томпсон, которые по уполномочию своих правительств подписали соглашение, обмениваются рукопожатием.

Фото Л. Портера (Фотохроника ТАСС).

ГЛАВНЫЙ КОНСТРУКТОР ВЕРТОЛЕТОВ М. Л. МИЛЬ награжден орденом Трудового Красного Знамени в связи с пятидесятилетием со дня рождения и заслугами в развитии отечественного вертолетостроения.

На снимке: Михаил Леонтьевич Миль в своем конструкторском бюро.

Фото Е. Умнова.

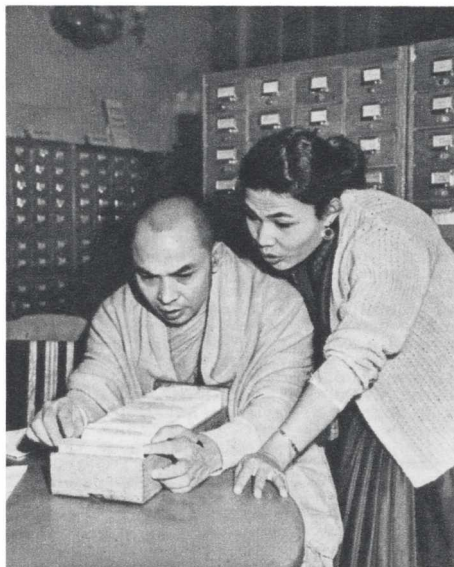
ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ ВСЕМИРНОГО БРАТСТВА БУДДИСТОВ и президент непальского общества буддистов «Дхармадая сабха» Бхиккху Амритананда вместе со своей дочерью гостит сейчас в СССР.

В течение восьми дней г-н Амритананда ознакомился с советской столицей. Он побывал и на ВДНХ, где особый интерес проявил к советским космическим ракетам и спутникам.

На вопрос о том, какое впечатление произвело на Юго-Восточную Азию предложение Никиты Сергеевича Хрущева о всеобщем и полном разоружении, г-н Амритананда ответил: «Предложение вашего премьера о всеобщем и полном разоружении, выдвинутое им с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН, будет поддержано буддийскими народами. Все народы мира высоко ценят мирную инициативу Советского Союза».

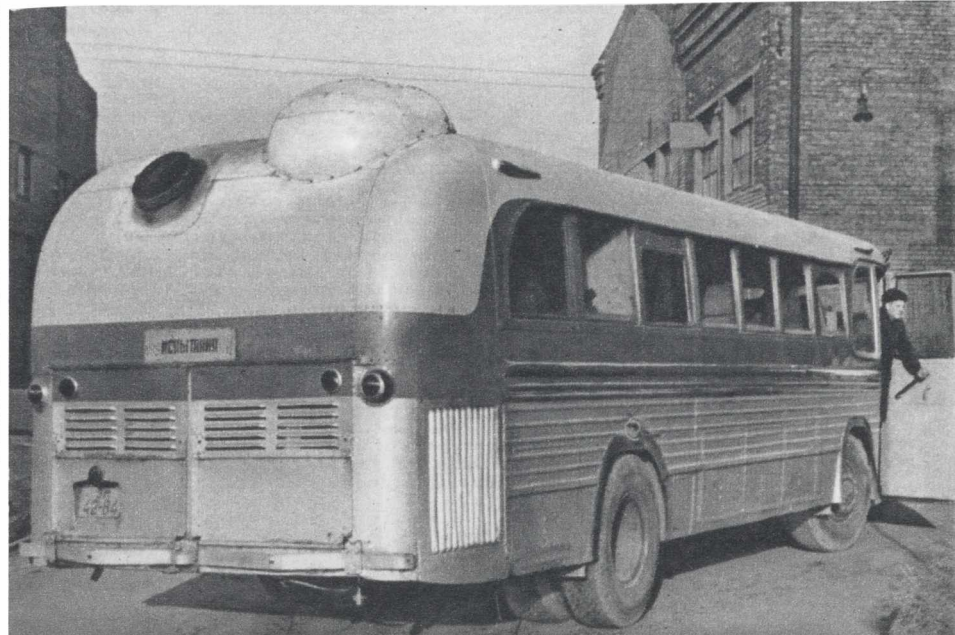
На снимке: г-н Амритананда и его дочь в Библиотеке имени В. И. Ленина просматривают картотеку книг по Востоку и буддизму.

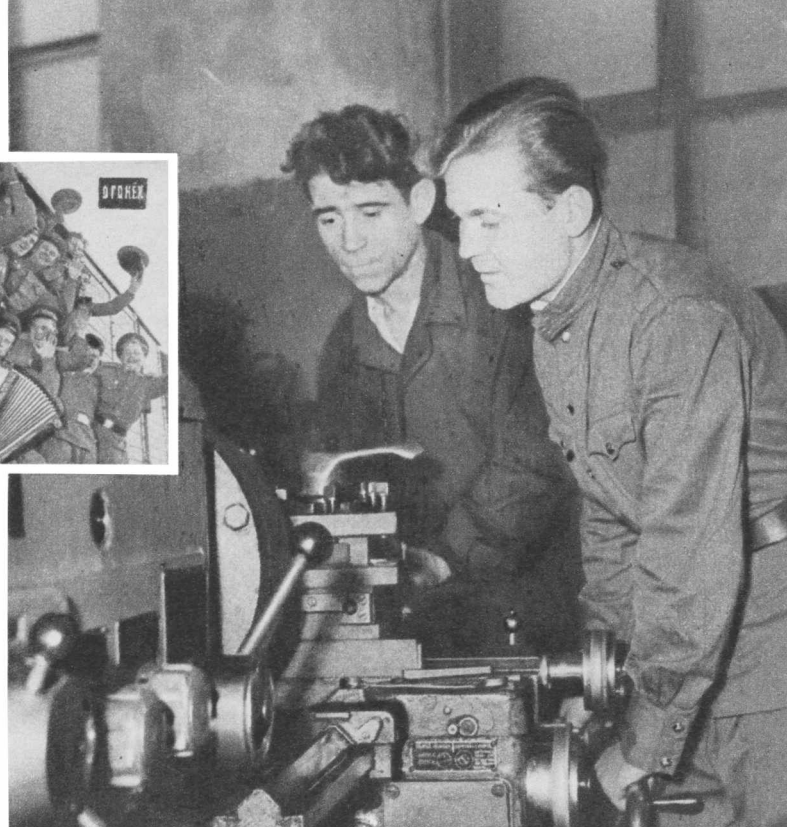
Фото А. Воротынского.

ГАЗОВАЯ ТУРБИНА ВМЕСТО ПОРШНЕВОГО МОТОРА установлена на этом автобусе. Первая машина нового типа, сконструированная и изготовленная в Центральном научно-исследовательском автомобильном и автомоторном институте, проходит испытания. Мощность двигателя позволяет автобусу развивать скорость до 160 километров в час.

Фото Ф. Короткевича.

Снова стал к станку Вячеслав Пестров...
Фото Ф. Короткевича.

БЕССРОЧНЫЙ ОТПУСК

Я. МИЛЕЦКИЙ

Постовой милиционер у Кировских ворот понимающе улыбается, когда к нему подходит боец в солдатской шинели или матрос в черном бушлате. Не дожидаясь вопроса, он указывает рукой направо:

— В военкомат Рижского района? На учет? Вон туда, к серому дому, во двор... Счастливого пути!

Пойдем и мы туда вслед за демобилизованными воинами. В зале их собралось много. В подавляющем большинстве это, конечно, молодежь, уволенная в запас

по последнему приказу министра обороны СССР. Но встречаются тут и люди постарше: сокращаются штаты, например, и в органах милиции...

Молодые люди быстро сходятся и оживленно беседуют: моряки с моряками, танкисты с танкистами. Создаются своего рода землячества.

— Кто, ребята, из Германии? — спрашивает коренастый старшина в шинели с авиационными погонами. И его сразу обступает несколько человек.

— В бессрочный? — Нынче похоже, что отпустили надолго... Международный климат потеплел, видать!

— Так-то оно так, — улыбается артиллерийский сержант, — но наша семья еще не полностью разоружилась: я вернулся, а младший братишка ушел служить в армию. В Германию уехал. А про запас в семье еще растут солдаты...

Ребята весело смеются: шутка прилась по душе...

Я встретил этого сержанта в кабинете майора. Анатолий Сальчев представил свои документы об увольнении из армии. Он рассказал, что в семье их пятеро братьев.

Он уходит, и из коридора доносится его звонкий голос:

— Толя Горшков, тебя к майору!

Горшков — его однополчанин, они служили в одной батарее.

— Кем будете работать? — спрашивает майор Горшкова.

— Газосварщиком. Эту специальность получил в армии.

— Сами найдете работу или помочь?

— Предложений много. Только выбирать!

Иные планы у младшего сержанта Игоря Островского, работавшего до призыва слесарем по ремонту станков. Он думает прежде всего о том, чтобы закончить десятилетку, и еще не решил, куда пойдет работать.

— Посоветоваться не с кем! — сетует он. — Отец в заграничной командировке: он главный механик на строительстве дорог в Афганистане. Скоро приедет, тогда решим на семейном совете...

— Обратитесь в военкомат по месту жительства, — говорит майор солдату.

— А я теперь живу в Рижском районе, — улыбнулся тот. — Пока в армии служил, матери дали квартиру в новом доме. Возвращаюсь по новому адресу: Мазутный проезд...

— Следующий! И в комнату входит моряк.

— Литвинов Сергей Петрович, — читает вполголоса майор, — старший матрос, башенный командор крейсера... имеет девятнадцать поощрений... приз командующего Черноморским флотом... До призыва работал фрезеровщиком...

— Куда теперь поступите работать?

— Туда же, на свой завод. Я уже ходил в цех: все в порядке!

— Тоже новый адрес? Новая квартира?

— Так точно! Я уже приезжал в отпуск по новому адресу.

— Сколько раз были в отпуске?

— Один. А вот товарищ мой — тот дважды.

— Как же так?

— Во время отпуска шел он вечером по селу. Видит, горит клуб. Бросился туда, спас кино-механика, потерявшего сознание, выкатил бочку с бензином. Словом, проявил героизм, как и полагается матросу. Едва на корабль вернулся, пришло командир письмо с описанием его подвига. Командир в награду еще десять дней отпуска дал. Матрос тут же опять уехал домой...

Входит солдат Рифант Зарипов. Служил в части, расквартированной невдалеке от Берлина. Был он автоматчиком, отличным стрелком. Рифант — второй представитель семьи Зариповых, побывавший под Берлином: здесь в последний месяц войны погиб смертью храбрых его отец... Сын зорко стоял на страже мира, завоеванного отцом!

— Будете учиться? — Этот вопрос мы задавали всем демобилизованным и всякий раз получали утвердительный ответ. Старший матрос коммендор Юрий Илюхин идет в школу рабочей молодежи. Стрелок-радист Михаил Бушув — в авиационный техникум. Солдат Виктор Александрович — в музыкальное училище: в армии он играл на аккордеоне и трубе.

— А я уже принят на вечернее отделение автомеханического института, — сообщает Вячеслав Пестров. — До армии окончил среднюю школу и техническое училище. Работал токарем пятого разряда. Теперь поступил по этой же специальности на автозавод имени Лихачева. Ну, и тут же засел за учебники.

...Позже демобилизованных принял районный военный комиссар полковник А. П. Александров. Вручая военный билет, он пожимал руку:

— Поздравляю с возвращением к мирному труду! — И, обращаясь к солдатам, продолжал: — Если будут затруднения с работой, — немедленно к нам!

ПОЭТ РОДНОЙ ПРИРОДЫ

Тех, кто не понимал искусства и не любил природы, Дубовской называл несчастными людьми. Внешне сдержанный и суховатый, удивительно коррентный, Николай Никанорович на самом деле был человеком страстным, самозабвенно преданным высоким идеалам. Все житейское было подчинено у него одной цели — служению искусству.

Когда Дубовской приступил к работе, и воплощению захватившего его образа, то забывал про еду, не здоровался при встрече с родными и знакомыми и писал в мастерской до полного изнеможения, после чего ему

приходилось отдыхать несколько дней.

Увлечшись этюдом, он опоздал к венцу, забыв о горячо любимой невесте. В другой раз напугал Репина и Первухина, выскочив в середине разговора в грозу из дому потому, что ему показалось, что именно сейчас он подсмотрит в мокром лесу нужное освещение.

Дубовской работал ежедневно по четырнадцать — шестнадцать часов и создал за свою жизнь около трех тысяч произведений живописи и графики.

Широко образованный человек, отлично разбирающийся в поэзии и музыке,

следивший за достижениями научной мысли (среди друзей художника был великий физиолог Павлов), Николай Никанорович был для передовых людей своего времени идеалом художника-гражданина.

Дубовской пришел в русское искусство в восьмидесятых годах прошлого века. Это было время, когда после блестящих выступлений Саврасова и Васильева, утвердивших демократические начала пейзажной живописи, внимание публики стали привлекать новые имена: начал выставляться Куинджи, становились известны Серов и Врубель.

В 1884 году Дубовской выставил небольшой пейзаж «Зима», выполненный в лучших традициях передвижников. Репин дал картине восторженную оценку. Стасов написал, что «от Дубовского надо, кажется, много ожидать».

Широкую известность принесла художнику картина «Притихло», написанная им в 1890 году на основании этюда, сделанного на Балтийском взморье. «Мотивом для создания этой карти-

ны, — писал Дубовской, — было то захватывающее чувство, которое овладевало мною много раз при наблюдении природы в момент тишины перед большой грозой... Это состояние в природе... можно выразить единым словом «Притихло». Это и есть название моей картины».

Дубовской принес в русскую пейзажную живопись эпическое начало. Его картины о природе — это расказ сильного и мужественного человека о величавом просторе неба, о красоте, бескрайности земли, о могучей, стихийной силе воды.

«Мы, — говорил Левитан, — наделяем природу своими переживаниями», а Дубовской передает не автора, а самую стихию, «захват от самой природы».

Целиком разделяя взгляды передвижников, сблизившись с Крамским и Ярошенко, Дубовской в 1886 году стал членом Товарищества. И вплоть до последних своих дней (он умер в 1918 году) оставался последовательным ревнителем заветов передвижников. Он приветствовал революцию, пола-

гая, что правда жизни, реализм, идейность будут нужны пробудившимся массам и «идея передвижничества возродится в огромной массе художников, молодых и сильных».

В последние годы жизни Дубовской отдавал много сил организации в родном городе Новочеркасские художественного музея, положив в основу свое собрание картин. Но «отцы города» чинили бюрократические препятствия, ставя под сомнение искренность намерений художника. «Личная моя заинтересованность, — писал по этому поводу Николай Никанорович, — дело в том, чтобы это дело осуществилось, и тогда я получу немалое удовлетворение в том, что и я мог быть родине полезным». Благородное намерение художника так и не смогло осуществиться при его жизни.

После его смерти жена передала коллекцию государству. И сегодня Новочеркасский музей благодаря Дубовскому располагает первоклассными произведениями искусства.

С. РОЗЕН

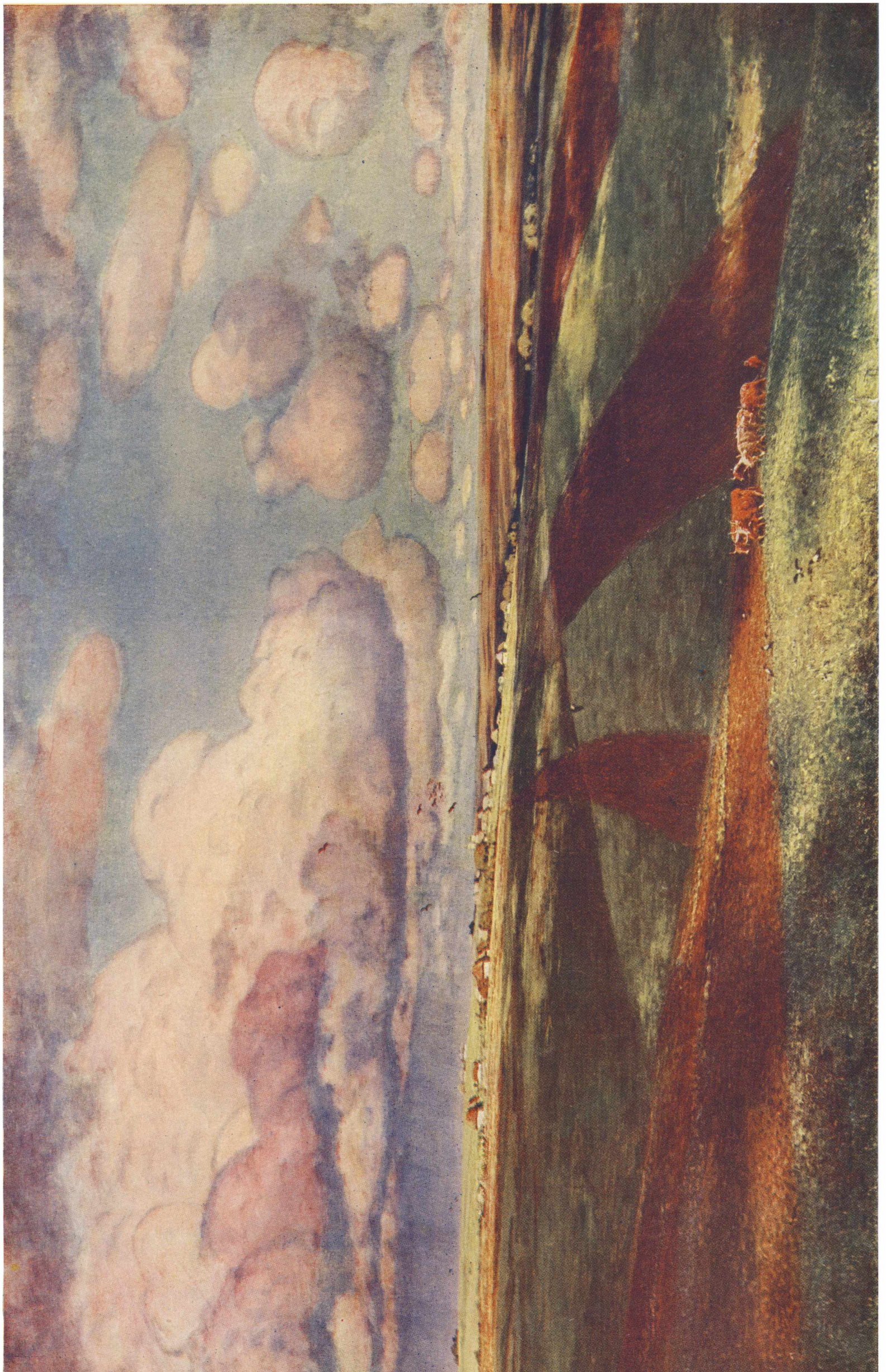
**К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Н. Н. ДУБОВСКОГО**

**К. К. Костанди (1852—1921).
ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА Н. Н. ДУБОВСКОГО.
Новочернская галерея.**

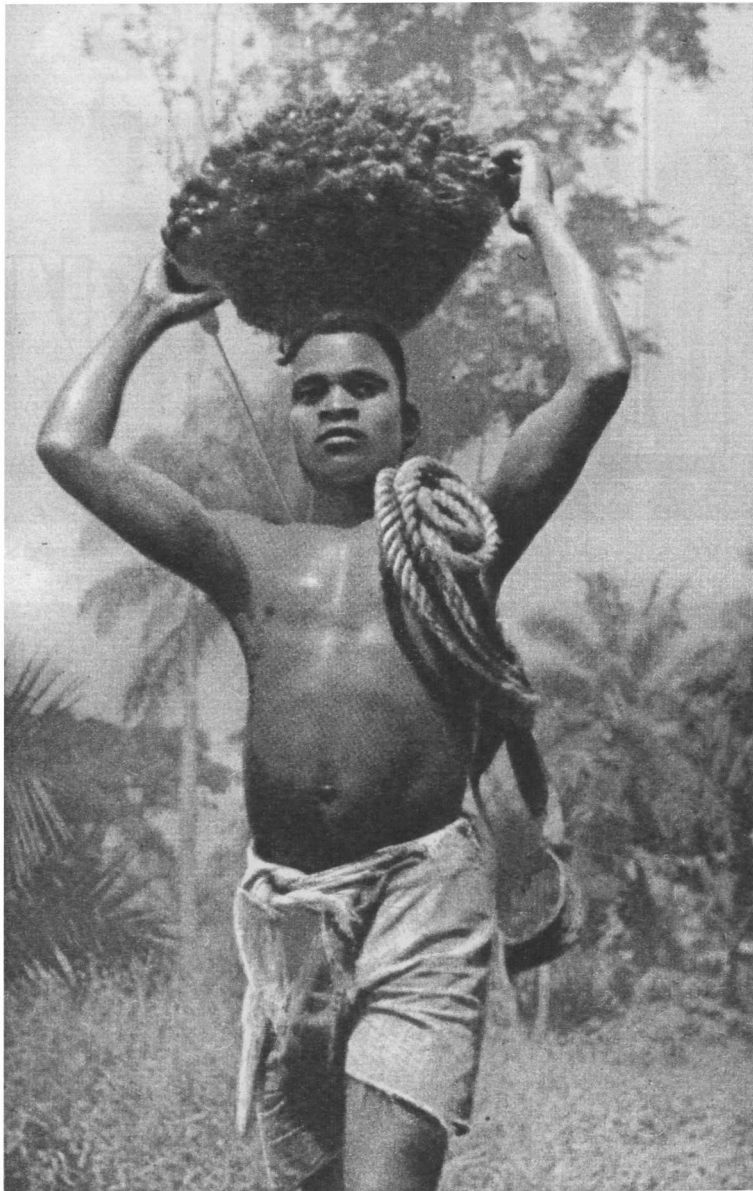

**Н. Н. Дубовской (1859—1918). КРАСИВЫЙ ДЕНЬ.
Новочернская галерея.**

Н. Н. Дубовской. МОЯ РОДИНА.

Нигериец на пальмовой плантации.

зали бы: «Да, это правда». Но не о древних родовых войнах и пленениях думали бы они при этом, а о своей сегодняшней жизни, лишенной прав и достоинства. Нет, не родовые вожди, а те же люди в пробковых шлемах вставали за этими строками, ибо современное понятие «колонизатор» — лишь псевдоним рабовладельца.

Еще в 1861 году, после того, как работорговля была официально отменена, англичане заняли Лагос, нынешнюю столицу Нигерии, якобы затем, чтобы... помешать экспорту рабов. Но вскоре под тем же предлогом они продвинулись в глубь страны.

Позднее, во времена первой и второй мировых войн, эти «цивилизаторские» действия были закреплены различными официальными хартиями и мандатами; таким образом, все богатства Нигерии оказались охраненными от «местного варварства» и могли уже в силу «закона» обогащать «благотелей» из метрополии. А учитывая, что годовой экспорт Нигерии составляет около 400 миллионов долларов, игра стоила свеч.

Англичане были не единственными, кто соблазнялся сокровищами этой страны, почти равной по площади штатам Техас, Оклахома и Луизиана, вместе взятым. Американская компания «Сокони мобайл ойл компани» энергично вела разведку нефти на территории 12 525 квадратных миль, а другая, американская же, фирма, «Кеннекот коппер компани», в 1955 году захватила большую часть акций нигерийской компании, разрабатывающей в провинции Бенуэ большие залежи колумбита — ценного стратегического сырья. Запасы олова — 100 тысяч тонн, — по добыче которого Нигерия занимает седьмое место в мире, тоже были взяты под надежный иностранный протекторат.

Что же касается истинных хозяев страны — коренных жителей

изрядно общипанный, оказался перед лицом людей, решивших сражаться за свободу и человеческую жизнь.

Нигерийцы познали в те трагические дни силу интернациональной солидарности трудящихся. В Нигерию, охваченную стихией возмущения, из Соединенных Штатов пришло приветствие баствующим, подписанное Полем Робсоном и доктором Уильямом Дюбуа. Пришли и средства от Африканского комитета в США. Шотландские горняки пустили «шапку по кругу» и прислали 500 фунтов. Правительство Германской Демократической Республики предложило принять за свой счет студентов из Нигерии для получения образования.

Именно тогда поклялись нигерийские рабочие отстаивать свою независимость и право на жизнь, именно тогда особенно крепко сомкнулись трудовые руки. Были люди, которые уже в течение десятилетий посвящали себя этой правой борьбе. Имя одного из них — Отахеме Имоуду — знает вся Нигерия. У него есть и официальные титулы: председатель Конгресса профсоюзов Нигерии и председатель Рабочей партии. Но люди на его родине просто говорят: «Наш Имоуду».

Каждому, кто хочет увидеть лицо сегодняшней Африки, стоит посмотреть в черты этого ее сына.

* * *

Когда отца Имоуду послали в окопы первой мировой войны, мать повторяла: «А может быть, сегодня он уже мертв...» Отец вернулся. Но многие не вернулись из тех, что ушли с ним. Почему они погибли? Какое им было дело до планов кайзера или интересов английских банков?..

Потом Имоуду хоронил земля-

Руки и сердце НИГЕРИИ

1

ДЕКАБРЯ

День Африки

Галина ШЕРГОВА

В нигерийском поселке Буруту не читали американских газет. Трудно представить себе горняка-негра, который, придя со смены, растянулся бы на циновке и развернул «Чикаго санди трибюн», чтобы при свете копилки прочесть: «В Нигерии широко практикуется и, как говорят, принимает все большие размеры колдовство. На севере и в некоторых восточных районах до сих пор су-

ществует рабство. Все еще бывают ритуальные убийства».

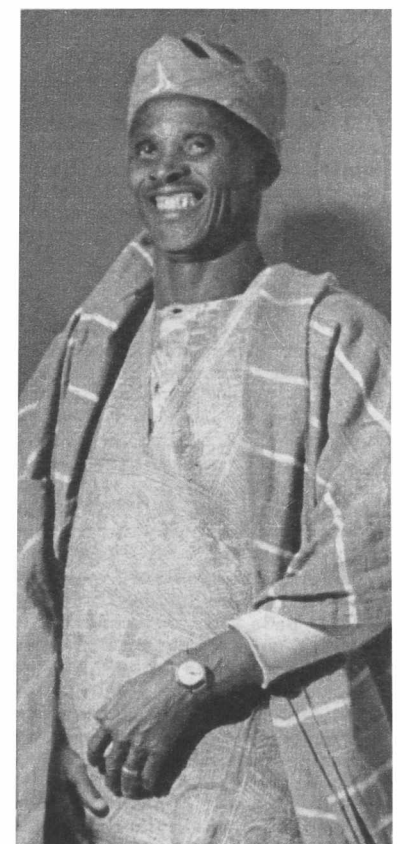
Нет, в Буруту не читали газет. Тут не знали и статистики, которая объясняла такое незнание с печатным словом: только шесть процентов населения страны окончили начальную школу, и один врач приходится на пятьдесят четыре тысячи жителей. Что же касается колдовства, то любой шахтер хорошо знал «злых духов», которые равнодушно взирали, когда кровля шахты рушилась на головы горняков и горе поселялось в осиротевших домах. Духи носили пробковые шлемы и короткие штаны, они заседали в шахтоуправлении и, разговаривая между собой, щеголяли оксфордским произношением.

Разумеется, услышав слова чикагской газеты о «еще существующем рабстве», нигерийцы ска-

Нигерии, — то им было предоставлено преимущественное право умирать от голода, задыхаться в рудничной пыли, гибнуть от катастроф в шахтах.

Таким образом, чикагская газета, сама того не подозревая, не погрешила против истины. Даже ее сообщение о «ритуальных убийствах» было правдой. По написанному кровавому ритуалу колониализма были, например, убиты 22 горняка Буруту, посмевших требовать повышения заработной платы. 20 убитых и 50 раненых забастовщиков в Энугу — тоже жертвы ритуала поработителей. Их кровь, пролитая у шахт и заводских ворот, была и в самом деле жертвоприношением языческому богу современного колониализма.

Но в середине XX века, в эпоху великих перемен, этот бог, уже

Отাহеме Имоуду.

ков, умерших от голода и эпидемий, товарищей, убитых во время забастовок. Не довелось ему хоронить только собственных детей. Тогда Имоуду сидел в тюрьме.

Стоя у дорогих могил, он думал: может быть, лучше было посвятить жизнь детям? Они сейчас бы, вероятно, прыгали вокруг него, радуясь его возвращению... А он отдавал жизнь людям — всем, кто трудился с ним... Нет, он не мог иначе.

Как это началось? В 30-е годы он был железнодорожником в Лагосе. Да, кажется, началом было объявление о том, что за укороченный рабочий день будут резать зарплату. Имоуду собрал рабочих и произнес речь. Он не умел еще говорить речей, но люди поняли его и решили бастовать. Родился профсоюз, созданный Имоуду: люди поняли, что с ними можно сделать что угодно, пока они не объединены. Рабочие понимали Имоуду и тогда, когда он вел их к дому губернатора требовать равноправия в своей стране.

Равноправия! Разве их считали людьми? Белые установили ничтожную оплату труда для африканцев. Любой неквалифицированный европеец получал в несколько раз больше, чем профессионал-негр. Однажды администрация решила уволить всех квалифицированных рабочих, чтобы взять их снова на работу на еще худших условиях. Но у них был уже профсоюз, а речи Имоуду открывали людям глаза.

Администрация заявила: «Вы не хотите работать — мы пригласим рабочих из Золотого Берега. Они придут. Неграм всегда нужна работа». Но профсоюз Золотого Берега поддержал товарищей — нигерийцев. Ни один рабочий не приехал оттуда. Забастовщики победили, а Имоуду был объявлен «опасным человеком» и заключен в тюрьму.

Но люди в пробковых шляпах не понимали, что человеческое сердце нельзя заточить в одиночку, а человеческую совесть отгородить от мира тюремной решеткой. В тюрьме Имоуду стал еще «опаснее»: бунты под его руководством начались и там.

Потом колонизаторы постарались избавиться от него, сослав в отдаленный район страны. Три года Имоуду провел в ссылке. Его не выпускали за незримые кордоны пустошей и джунглей, ибо страна «оберегалась» белыми от правды и возмущения.

Колонизаторы внушали африканцам: вы всегда были варварами, Европа же «несла вам свет».

Но многие африканцы, всматриваясь в сумрак веков, видели там процветавшую империю Гана, где поощрялись искусство, видели государство Судан, где еще в XII веке развивалась разносторонняя цивилизация. Они вспоминали университет в Тимбукту, привлекавший к себе в XII—XIV веках ученых всего арабского мира. Тогда один из его профессоров, Ахмед Баба, отправленный на казнь, сожалел, что покидает жизнь, собрав в своей личной библиотеке лишь 1 200 томов. И это было тогда же, когда некие короли в «просвещенной» Европе гадали о своем будущем по только что отрубленным головам.

Колониальные власти немало потрудились, чтобы Африка забыла историю и разучилась сопоставлять. Но все больше африкан-

цев выходило к свету и звало к нему свои народы. Таким был и Имоуду: не сломленный ссылкой, он вернулся в Лагос, и на всем пути к родным местам его восторженно приветствовали земляки.

Власти страшились Имоуду недаром. Стоило ему в 1945 году вернуться из ссылки, как вскоре вспыхнула новая всеобщая забастовка, длившаяся 24 дня. Рабочие требовали повысить дневную зарплату на 8 пенсов. Всего 8 пенсов! Однако для этого потребовалось прибытие специальной комиссии из Англии во главе с Тудором Девисом. Ознакомившись с существом дела, председатель комиссии иронически пожал плечами: «Мне незачем было приезжать из-за подобных мелочей. Моя поездка стоила дорожке».

Однако местные власти не приняли рекомендаций комиссии. Борьба рабочих продолжалась. Имоуду был всюду, где кипела она. Он был и там, в Буруту, где стреляли в горняков. И в прошлом году в Зариа, когда полиция и войска грузили забастовщиков, точно скот, в автомашины.

Имя Имоуду было на устах в семьях забастовщиков на прошлое рождество. Жены ждали мужей, чтобы встретить сочельник. Как ни были бедны горняки оловянных рудников, каждый готовил скромные подарки близким. Администрация не осталась в долгу, она тоже приготовила «подарок»: в рождественский вечер было объявлено, что эти рабочие увольняются все до одного...

Однако историю не удалось ни зачеркнуть, ни остановить.

В Африке многие страны обрели независимость. Была обещана независимость и Нигерии. Сроки оттягивались без конца, но вот был назван 1960 год.

Казалось, теперь нигерийцы могли собраться и самостоятельно выработать новую конституцию. Но вместо того, чтобы обсуждать свое будущее государственное устройство у себя дома, 108 представителей страны вынуждены были проделать длинный путь в Лондон на конференцию, организованную и направляемую британским министерством колоний.

Множество проектов независимости Нигерии отвергалось этим министерством. Но когда английское правительство очутилось перед невозможностью выбора, оно постаралось оговорить предоставление независимости так, чтобы сохранить свое влияние как можно дольше и при новом режиме.

И тут перед народом Нигерии встали новые задачи. Два года назад под руководством Имоуду была создана Рабочая партия. Цель ее была определена сразу: независимость страны прежде всего! Поэтому сейчас партия идет об руку со всеми, кто добивается этого. Но рабочие смотрели дальше.

Трудовые руки Нигерии умели создавать ее богатства. Они научились нести плакаты в забастовочных пикетах. Они умели держать винтовку. Сейчас им предстояло учиться голосовать на парламентских заседаниях, заявляя: «Нет, это нам не подходит!»; или: «Да, мы требуем».

Руки Имоуду тоже умели трудиться, нести плакаты, писать воззвания. Они сумеют начертать и строки новых законов свободной страны: ведь рук у Имоуду не две, а пять миллионов.

БЕЛЫЕ ШАПОЧКИ

Оставались минуты до начала работы. У зеркала — Тамара Назимкина.

Инструктор производственного обучения Р. С. Алференко (справа) и ученица Лолита Зубакова.

3. ХИРЕН

Фото Б. КУЗЬМИНА.

Оставались минуты до начала второй смены, и девушки в белых накрахмаленных шапочках прихорашивались, с тем чтобы уж до самого закрытия магазина не возвращаться к огромному трюмо. Смеялись, шутили, обменивались впечатлениями о вчерашней программе телевидения — словом, настроение было у всех отличное. Впрочем, у всех ли? Что, например, сказать о маленькой блондинке, о Томочке Назимкиной, задержавшейся у зеркала дольше других?

— Тома, берегись! — крикнула одна из девчонок, но Назимкина уже сама заметила в зеркале фигуру заместителя директора магазина по учебной части Петра Петровича Захарова. Только вчера досталось от него за клипсы. А теперь серьги, да еще такие увесистые.

Конечно, в обычном магазине «начальству» и в голову не пришло бы вмешиваться в такие пустяки, да и здесь можно было бы пройти мимо, но мы не просто в магазине, а в школе. В той самой комнате, где девушки сейчас прихорашивались, каждый день проходят теоретические занятия. Лекцию читает здесь Петр Петрович, который так строг к девичьим

побрякушнам. В сущности, он довольно мягкий человек, но с самого начала занятий был уговор на работу выходить, как говорится, «без прикрас», а вот Назимкина условие это нарушила.

...Покупателю далеко не безразлично, кто отпускает ему товар. Некоторые продавцы уже давно ушли на пенсию, а покупатели их помнят, ставят в пример молодым. Только за два года около трех тысяч продавцов ушло на пенсию, а торговля в столице самым резким образом расширяется. Новые дома, кварталы, улицы, новые районы... Одновременно с люстрами в квартирах зажигаются яркие огни в витринах... Одним лишь продовольственным магазинам Москвы не хватает десяти тысяч продавцов. Где их взять?

Школы торгового ученичества не поспевают за кипучей столичной торговлей, время не ждет. И тут-то родилась мысль о создании школ-магазинов. Что это значит? Магазин продолжает обычную работу, но рядом с опытными продавцами трудятся ученики. Нет, это не мальчики и девочки «на побегушках», а молодежь со средним или в крайнем случае не менее чем с семилетним образованием. Им в течение полугода читают лекции по товароведению, попутно у прилавка они осваивают профессию продавца.

Первой в стране такая школа открылась при «Гастрономе» № 14. Она работает четвертый месяц. Девушки и юноши, поступившие в нее, не только не жалеют о выборе, но стали энтузиастами своей профессии.

Прежде чем перейти из одного отдела в другой, ученики сдают довольно серьезные экзамены. Ассортимент товаров разнообразный, надо не только запомнить сотни наименований, но суметь объяснить покупателю особенности каждого товара, а зачастую и посоветовать, как убрать стол, что приготовить из того или другого сорта мяса, рыбы, дичи.

Мясник Леша Качанов однажды с радостью сообщил дома, что уже несколько покупателей к нему обратились по имени-отчеству, мало того, одна спросила, какое мясо лучше всего взять на солянку...

— И что ж ты ответил? — спросил отец.

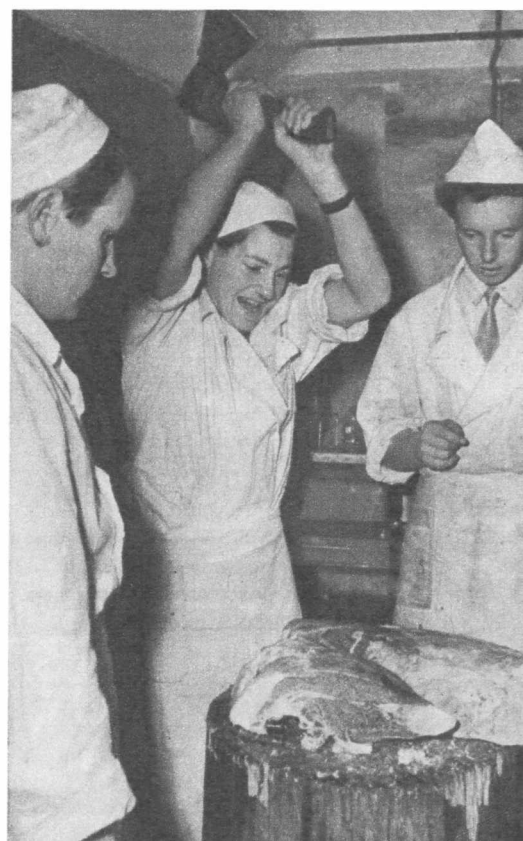
— Выбрал хороший кусок свинины и бросил на весы, — усмехнулся Леша.

Отец огорчен. Дело в том, что сам он шеф-повар в ресторане одной из московских гостиниц, и ответ сына ему не по душе. Надо было справиться у покупательницы, на какую солянку требуется мясо, на жидкую или для второго, а уж потом предлагать...

Так заполняются первые страницы трудовой биографии «белых шапочек» — девушек и юношей, избравших профессию продавца.

→
— Только без «блинчиков!» — предупреждает руководитель А. М. Андреев своих питомцев Славу Артамонова и Валерия Мишкина. Ребята знают: речь идет о меткости удара.

За прилавком Леша Качанов и Валерий Севастьянов.

Заместитель директора по учебной части П. П. Захаров проводит занятия.

С. МАРШАК

ЧЕТЫРЕ ГЛАЗА

Посвящается Саше Ф.

Глаза у Саши велики,
Но очень близоруки.
Врач прописал ему очки
По правилам науки.

Отшлифовали в мастерской
Два стеклышка на славу,
Потом заботливой рукой
Их вставили в оправу.

Очки вложили, наконец,
В коробку из пластмассы,
И Саши нашего отец
Их получил у кассы.

Когда домой он их принес,
Сын оседлал очками нос
И заложил за ушки
Серебряные дужки.

Сквозь стекла Саша посмотрел —
И день как будто посветлел.
Но только снял он стекла,
Как все кругом поблекло.

Когда же вышел он во двор,
Ему понятно стало,
Что без очков до этих пор
Он видел очень мало.

В очках и небо голубей,
Просторнее и выше,
И виден каждый воробей,
Усевшийся на крыше.

Но про очки ребятам всем
Известно стало сразу.
Они кричат ему: — Зачем
Тебе четыре глаза!

Должно быть, просто напоказ
Тебе нужны две пары глаз.
Как будто стал ты водолаз
Или надел противогаз.

Заплакал Саша от стыда,
Уткнулся носом в стену.
— Нет, — говорит он, — никогда
Очков я не надену!

Но мать утешила его:
— Очки носить не стыдно.
Все надо делать для того,
Чтоб лучше было видно!

Над теми, кто надел очки,
Смеются только дурачки.

Рисунок А. Каневского.

300 тысяч экземпляров...

Назым ХИКМЕТ

Я люблю коллекционировать народные безделушки: глиняные, деревянные, соломенные. Подчас эти чудесные вещицы теряют свой народный характер и становятся просто-напросто предметами кустарного промысла. Но даже и в таком виде они сохраняют нечто сказочное.

По-моему, главное величие этих миниатюрных произведений народного искусства в активном, творческом подходе их создателей к природе. Народ не только повторяет природу, не только подражает ей, но изменяет ее, создает новые предметы, не существующие наяву, сберегая лишь элементы природы. Любая по-настоящему народная безделушка, например резная деревянная лошадка, не просто изображение лошади, но и невиданный в природе, новый вид этого домашнего животного. Однако в народных безделушках меня прежде всего удивляет и радует не эта их реалистическая фантастичность, а сходство между ними у разных народов. Я собрал, скажем, глиняные свистульки и копилки, деревянные козлики и коровы; есть у меня украинские и бразильские, испанские и турецкие, чилийские, русские и латышские. Все они чем-то похожи друг на друга! Иногда трудно сразу отличить украинскую свистульку от бразильской, хотя у каждой из них обязательно есть и свое конкретное национальное. Откровенно говоря, меня в народных вещицах интересуют не только и не столько их национальные различия, сколько их общность. Меня прежде всего интересует то, что объединяет искусство разных народов.

Когда я читаю сказки какого-либо народа, я, конечно, хочу найти в них приметы стародавней истории народа, его быт и нравы. Особенно я ищу то, что соединяет фантазии, мечты и стремления всех народов к добру, умному, справедливому, светлому. Вижу общность народов в их ненависти к злу и деспотизму, в их презрении к лицемерию и ханжеству, в их едкой насмешке над глупостью.

Гослитиздат выпустил «Турецкие народные сказки». Тираж этой книги — 300 тысяч экземпляров. Нормально выглядящий для огромной социалистической страны, такой тираж был бы сказочен для Турции. Таким же, а быть может, и большим тиражом в СССР каждый год выпускаются сказки разных народов мира. Мне могут возразить, сказав, что в Советском Союзе более

200 миллионов населения, а в Турции — всего 25,5 миллиона; что в Советском Союзе почти нет неграмотных, а в Турции 70 процентов населения неграмотно. Но даже с учетом всего этого турецким издательствам никак не угнаться за советскими. Так что подобные возражения несостоятельны.

А Соединенные Штаты Америки? Как там? Там населения более 175 миллионов. И неграмотность не так сильна, как в Турции. Но тиражи сборников народных сказок и в США не идут ни в какое сравнение с Советским Союзом.

Это нельзя объяснить тем, что-де советский народ больше других народов любит фольклор. Это можно объяснить лишь тем, что советский народ всем сердцем стремится лучше узнать все народы мира. И тем, что только народы, которые строят коммунизм, могут так глубоко и искренне прислушиваться к мечтам других народов, выраженным в сказках: ведь народы социалистического лагеря достигли великих успехов в осуществлении самых смелых сказочных мечтаний!

Естественно, в турецких сказках советский читатель найдет немало свойственного турецкому народному творчеству. Но он увидит много такого, что напомнит ему его собственный фольклор. Удивительно сходство сюжетных линий в сказках народов мира. По-моему, это не случайно, это не «бродячие сюжеты». Здесь более глубокие социальные корни.

Спасибо переводчице сказок Н. Цветинович. Она хорошо справилась со своей работой. Спасибо издательству за то, что оно представило в книге фольклор не только деревни, но и города. Разделение книги на две части — волшебные и бытовые сказки — дает возможность лучше узнать турецкую сказку.

Я уверен, что книга может быть прекрасным источником для мультфильмов и диафильмов. Некоторые сказки, без сомнения, могут быть использованы в детских театрах и в детских передачах телевидения.

Мне очень хочется, чтобы советский читатель от семи лет и до семидесяти (ведь сказкам «все возрасты покорны!») полюбил турецкие сказки. В них много близко его душе. Прочтя их, он полюбит хороший и несчастный турецкий народ, который страдает под двойным гнетом: национальных угнетателей и чужеземных империалистов.

Не могу умолчать и о том, что книга турецких сказок оформлена с большим вкусом. Стройный джейран на ее обложке — это и просто джейран и что-то большее, чем джейран.

Турецкие народные сказки. Оформление художника В. Дувидова. Гослитиздат. Москва. 1959, 239 стр.

ТЕТКА УСТИНЬЯ

Рассказ

М. БАРЫШЕВ

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Весна в этом году наступила неожиданно. Еще днем тянула поземка, а ночью ветер принес в лес оттепель. С косматой старой ели ухнула в сугроб подтаявшая снежная шапка, и в березняке зазвенела капель.

Через две недели в ноздреватом снегу уже ковшичками голубели лужи, на пригорках парили на солнце проталины, и воробьи, оглушительно чирикавая, толклись на разбухших дорогах, подбирая вытаявшие зерна.

— Лед пошел! — раздалось на улице.

Я надел куртку и пошел к мосту.

Ледоход уносил зиму. Проплыла льдинка с короткой стежкой заячьих следов, прочерченных в осевшем снеге, а на квадратном, со змеистой трещиной ледяном поле двигался кусок зимней дороги с санной колеёй и конским пометом.

У моста льдины замедляли ход и с тупым упрямым лезли на бревенчатые ледорезы. Мост дрожал. При каждом ударе льдин мелкая судорога проходила по дощатому настилу. — Сорвет мост, — сказал я, подходя к кучке любопытных наблюдателей ледохода, собравшихся на берегу. — Слышите, как сваи трещат.

— Они у нас каждую весну трещат, — раздался знакомый голос. — Такое уж их дело — трещать.

Я увидел среди собравшихся тетку Устинью, у которой я квартировал.

— Если сорвет мост... — не унимался я.

— Так ведь и человек помирает, — сказала мне тетка.

Вот уже месяц как я жил в этой поморской деревеньке, приютившейся в крутой излучине порожиистой реки. На задах улицы, за бревенчатыми сараями и банями, вздымались глинистые «пригоры», затем начиналась бескрайняя тайга.

Здесь была моя родина. Отсюда я был увезен десятилетним мальчишкой. И вот теперь, почти через двадцать лет, меня потянуло в родные места.

В деревне я разыскал свою единственную родственницу, тетку Устинью. Она долго расспрашивала меня, пока не убедилась, что я и есть тот самый непутевый племянничек, который бродит где-то по свету и не шлет ни одной весточки.

Тетка угостила меня чаем с топленым молоком и крупяными шаньгами и деликатно осведомилась, долго ли я собираюсь у нее гостить.

Гостить я собирался долго. Поэтому я вытащил бумажник, в котором был остаток аванса, полученного под неоконченную повесть, лежавшую в моем чемодане.

Сначала тетка отказывалась от денег, но, услышав, что я собираюсь прожить у нее месяца два, взяла их и положила на краешек стола.

— Хлеб свой, так хоть у попа стой, — коротко ответила она на мое предложение. — Живи, сколько хочешь.

Устинья вставала с петухами, возилась по хозяйству и, оставив в русской печке обед, исчезала на целый день, предоставляя мне и рыжему коту проводить время, как нам хочется.

Кот часами дремал на приступке теплой печки, а я исписывал один за другим листы бумаги, сочиняя очередные главы повести. Работа не клеилась. Споткнувшись на каком-нибудь замысловатом предложении, разбухшем на полстраницы, я сердился сам на себя, комкал бумагу и отправлялся бродить по пригоркам, зеленевшим первой травой.

Вечером тетка совала на растопку смятые листы и жалела меня:

— Заодиночел ты совсем, Андрюшка...

Кость в тебе поморская, а сила, видно, поистратилась. Дела своего осилить не можешь.

Устинья называла меня «дитятко», хотя я едва не касался головой бревенчатого потолка, по которому разгуливали усатые черные тараканы.

— Когда только успел ты силушку свою растрясти! Годов-то тебе еще мало, — сокрушалась тетка, смахивая что-то концом платка с рыхлых щек. — Я вот тоже годов десяток еще поработаю, а потом, наверное, опристану, — продолжала она и жаловалась мне, что у нее «в грудях ком и весь дых спирает».

Но это не мешало тетке бойко набирать трудодни, жарко схватываясь иногда за каждую «сотку» с застенчивым рябым бригадиром Матвеем, возвратившимся с войны без левого глаза.

— Я тебе не засчитаю! — Расставив ноги, тетка трясла кулаком перед уцелевшим бригадирским глазом. — Ни к чему землю от ямы откидывать... Прошное лето бабы три ямы для силоса отрыли, а вы лягух там развели.

— По плану ведь надо копать... — Матвей явно терялся от теткингого напора.

— Ты мне планом в зубы не тыкай... Сто раз я тебе говорила, что нельзя яму под бугром копать. Ее первым же дождем зальет. Кабы яма была в подходящем месте, я бы не только от нее землю откинула, а дорогу бы вдобавок вымостила. Чего око-то свое расставил? Правду говорю.

Бригадир махал рукой и записывал Устинье спорные «сотки».

— Прямо станковый пулемет, твоя тетка, — говорил он мне. — Шпарит очередями на полную ленту — и никаких... Каждый день на меня эти бабы контузию наводят. На фронте, и то легче было!

Однажды тетка Устинья, спалив в печке очередную порцию скомканных листов, посоветовала мне:

— Ты нашей работы попробуй, может, скорей на ноги встанешь. Возьми и вытеш на око-то наличник... Батько твой, бывало, топором орудовал, словно на балалайке играл.

Деревянные наличники на окнах теткиной из-

бы походили на кружева. Какой-то умелец изукрасил их резными узорами, прошел замысловатыми строчками, сделанными обыкновенным коловоротом, и вытесал мягкие изгибы, разделенные частыми зубчиками.

Я наточил топор и храбро взялся за наличник.

Разыскав подходящую доску, я перенес на нее узор. Затем, уцепив покорооче топорище, стал осторожно тюкать по доске, стараясь не сбиться с линии, мягким обводом вырисовывающей наружную сторону наличника.

Через полчаса с меня лил пот, а край доски вместо гладкого затеса оказался обгрызанным, как старая коновязь.

— Испортил,— раздался рядом насмешливый голос Матвея.— Это тебе не книжки писать...

Оказывается, Матвей, усевшись на груде бревен, уже минут пять наблюдал за моей работой, посасывая папиросу.

— Лекало надо было сделать,— попытался я оправдать свою неудачу.

— Лекало здесь ни при чем, Андрей Иванович,— усмехнулся Матвей.— Топорик, видно, в руках годов десять не держали. Во как!

Прищурив единственный глаз, Матвей повертел в руках трухлявый наличник, который я пообещал тетке заменить.

— Правильного пошиба был мастер.— Он поглядел корявыми пальцами полусгнившие узоры, ощупывая их, как слепой ощупывает вещь, чтобы запомнить ее.— Дай мне топор.

Топор играл. Иначе нельзя было назвать быстрые и точные удары. То легкие, высекающие плавные полукружия, сходящиеся друг с другом, словно крылья чаек, царивших над морем, то сильные, делавшие глубокий затес, такой ровный, будто его вырезали бритвой. Грубое лезвие топора в руках Матвея послушно вырубало крошечные зубчики, словно рубанок, ровняло края доски и с одного маху аккуратно отсекало угольнички.

Когда наличник был вытесан, Матвей попросил стамеску и принялся орудовать ею так, словно это была кисть, а не заточенная полоска стали. Легкими нажимами широкого пальца он заставлял стамеску снимать с доски желтые завитки стружек. И с каждым его движением все яснее и яснее проступал на дереве простенький орнамент лесных колокольчиков и березовых листьев.

Папироса у Матвея давно погасла, но он забыл про нее. Поставив наличник на ступеньку крыльца, он смотрел на него, не отрываясь, минуты две и затем добавил стамеской два — три штриха, от которых наличник, казалось, заулыбался мягко и застенчиво, как улыбался сам Матвей, разглядывая свою работу.

— Маленько руки погрел.— Он подал мне наличник.— Скажи Устинье, чтобы завтра она на огороде приходила... На капустную рассадку ее поставлю.

Я не отпустил Матвея. Нырнув в широкий зев русской печи, я вытащил все, что там находилось, и достал из чемодана московскую бутылку коньяку.

— Вы же настоящий художник, Матвей! — Я подливал ему коньяк в граненый стакан.— Вам в город надо переселяться.

— Мой дом здесь, трое ребятишек подрастают, а ты меня на сторону сманиваешь! — Матвей неожиданно сверкнул глазом и отставил в сторону стакан с коньяком.

— Нельзя же вам зарывать в деревне свой талант! — горячился я.— В городе тысячи людей увидят ваше мастерство... Оценят его красоту.

Обветренные губы Матвея сжались, на лбу набегали частые морщины, и рябины на его лице стали отчетливее.

— По-твоему, выходит, в деревне и красота ненужна. И где ты только, Андрей Иванович, таких думок нахватаешься! Отцы и деды наши свое мастерство тем и уберегли, что не на показ работали, а для души, себе и людям на радость.

— В городе вы тоже будете работать для души, а радость приносить не десятку человек, а многим тысячам... У вас там будут все условия для работы.

— Это верно. Моим мастерством в городе легко хлеб с маслицем заработать да вдобавок и эту штукину дадут.— Матвей щелкнул твердым, желтым от курева ногтем по недопитой бутылке.— А здесь кто работать будет?

Не тебе рассказывать, как в нашей стороне хлеб добывается. Пока колхозом друг за друга держимся, вот мы и сила... Я уеду, другой, третий... Вот и придется тетке Устинье вместо молока на моченую бруснику перебраться. От нее, брат ты мой, живот пучит...

— Вместо вас можно же другого бригадира найти.

— Может, ты пойдешь? — Матвей усмехнулся.— Небось, в этот хомут шею не сунешь! А я вот сунул и тяну. Теперь соображай, кто из нас дурак, а кто умный.

Он оставил недопитый стакан, надел защитную куртку, заплатанную на рукавах и на спине, и взял шапку.

— Не забудь, Андрей Иванович, Устинье сказать, чтобы завтра на капусту выходила.

В окно мне было видно, как Матвей уходил по дороге, перепрыгивая лужи и не в такт шагам размахивая длинными, большими руками.

Скоро разразилась очередная буря. Как-то под вечер в избу пришел Матвей. Не снимая шапки, он хмуρο поздоровался со мной и решительно подошел к столу, за которым тетка возилась со сбором ужина.

— На твоём крыльце нашёл, Устинья! — строго сказал он и положил на выскобленную ножом столешницу сморщенный стебелек с длинными вялыми листьями.

— Капустная рассадка,— пояснил он в ответ на мой вопросительный взгляд.— Половину парниковой рамы на колхозном огороде стрекотухи по домам растащили. Моду какую завели! На своих огородах капусту надумали колхозной рассадой разводить... Я еще в правление доложу.

Тетка отставила в сторону кринку с молоком и стала вытирать руки о передник.

Матвей упрямо прищурил глаз:

— Ты, Андрей Иванович, в книжке напиши про эту бабью несознательность. Не понимают того, что сами у себя берут... Вроде как из штанов клоч вырезать и вместо заплатки на рукавах пришить... Все равно ведь с дыркой будешь ходить... Вот и Устинья тоже...

Теткин кулак опустился на стол с такой силой, что рыжий кот молнией метнулся в подпечье, а из кринки расплескалось молоко.

— Какие такие слова ты мне, вдове честной, говоришь! Да я порошинки чужого на веку не взяла, а ты меня, одноглазый черт, капустной рассадой попрекаешь!

Через минуту Матвей оказался прижатый в узком проходе мощным телом тетки, поносившей его на чем свет стоит.

— Он вам наличник новый сделал, а вы его ругаете.— Я встал на защиту Матвея.

— За хорошее я ему хорошо и скажу,— не унималась Устинья.— А капустной рассадой он пусть мне в рот не тычет, а то я не постесняюсь ему и ухватом заехать по глазу, который германцы на прокорм оставили.

С трудом я перевел разговор на сделанный наличник, и бурное объяснение кончилось тем, что тетка усадила Матвея ужинать.

— Что ты все про наличник колоколишь! — взялась она за меня.— Матвей родительское мастерство сберег, а ты и забыл, как топор в руках держать... Думаешь, мы не понимаем, как Матвею с нами тошно канителиться? Другой бы на его месте укатил в город — и поминай как звали... Ты, Матвеюшка, на меня не сердись. Про глаз-то я тебе в горяча сказала.

На другой день я вспомнил, что тетка не раз возвращалась с колхозного огорода, держа руку под полой ватной куртки, и быстро проходила в холодную заднюю комнату, используемую как кладовая.

Я решил разобраться во вчерашней истории с капустной рассадой. Когда тетка ушла на работу, я взял лестницу и, сделав вид, что обмеряю наличник, заглянул в окно задней комнаты. На полу стояли два продолговатых ящика, в которых росла капустная рассадка, заботливо политая водой. Я не очень разбираюсь в капустных делах, но рассадка в теткинских ящиках показалась мне схожей с той, которая была положена Матвеем на стол.

Вечером я высказался тетке. Вопреки ожиданию она не рассердилась, а, собрав у глаз морщинки, ласково сказала мне:

— Ты, дитятко, в чужие окна нос не суй... Это дела наши семейные, колхозные. Мы тут уж сами разберемся. У меня рук, что ли, нет, чтобы рассадку вырастить?! Дело нехитрое.

Мне не понравилась улыбочка Устиньи и

масляный блеск ее прищуренных глаз. С этого дня я стал гораздо больше сидеть над своей повестью.

Надо было скорее закончить ее и возвращаться домой. Здесь, в родном краю, я оказался отрезанным ломтем, пришлым человеком, которого сторонились даже в таких делах, как история с капустной рассадой. Мне здесь некогда было прочитать готовые главы повести... Да и проблемы «капустной рассадки» вряд ли могли обогатить мой писательский багаж.

Когда я заявил тетке, что собираюсь уезжать, она мне напомнила:

— Обещался подсобрать дров к зиме припасти... Надо бы плот пригнать, а то скоро по реке сплав пойдет, тогда без дров останешься.

Через два дня, вооруженный пилой и топором, пошел я вместе с Устиньей к морю, находившемуся километрах в десяти от поселка. По низменному болотистому берегу, утыканному хвостами рыжей травы, на многие километры был разбросан плавник.

Из него надо было собрать плот в устье реки. Затем подождать, пока прилив поднимет плот, и сплавить его вверх, к деревне.

Тяжелый сырой плавник, казалось, был прикован к земле. Вырубив две березовые жерди, мы ворочали ими, как рычагами. Что было сил я всаживал жердь под бревно и, наваливаясь всем телом, подвигал плавник на десять — пятнадцать сантиметров.

Под ногами чавкала сырая глина, при каждом ударе рычага в лицо летели грязные брызги. Плечи болели от непрерывных рывков. Жесткая кора до крови царапала ладони.

А многие бревна, которые мы выбрали для плота, лежали от воды метров за пятьдесят.

— Навались, Андрюшка! — командовала тетка.— Взя-ли!

И мне снова до ломоты в пояснице приходилось налегать на рычаг.

Я с удивлением поглядывал на низкорослую тетку, деловито орудовавшую таким же березовым рычагом. Подоткнув забрызганный глиной подол, она частыми движениями жерди перекачивала бревно за бревном.

У меня от усталости дрожали колени, и я цеплялся носками тяжелых резиновых сапог за каждую выбоину, спотыкаясь о камни, а тетка разборчиво осматривала плавник, выбирая бревна без гнили.

— Ты не рви, ровней наваливайся,— советовала она мне, поворачивая круглое, красное от натуги лицо.— Бревна не хребтом, а умом надо ворочать.

Рычаг в ее руках ловко входил под бревно и частыми нажимами перекачивал его, а я свою березовую жердь старался засунуть подальше, чтобы приподнять сырое бревно и разом сдвинуть его в сторону.

— Привычки нет,— говорила Устинья.— Покал бы каждый год, так научился... Небось, в городе и дров-то сам не колешь.

От судорожного рывка березовая жердь скользнула по сырому бревну, я потерял равновесие и ткнулся лицом в колючую траву.

— Передохнем немного. Боле половины плота уже собрали.

Я сел на бревно и расстегнул ворот рубашки, подставив грудь свежему ветру, тянушему с моря. В прибрежных камнях хлопали мелкие мутные волны. Над полосой отлива носились чайки. Они ссорились друг с другом и пронзительно кричали.

На другой стороне реки виднелась бревенчатая избушка, возле которой стояла телега с задранными оглоблями и, смешно подпрыгивая спутанными ногами, паслась большеголова лошадь.

— Что там? — Я показал на избушку.

— Сплавщики стоят... Как сплав начинается, они в устье реки делают запань и начинают лес собирать. Тот, который по реке модем сплавляют... Через неделю должен сплав быть...

Устинья тяжело дышала. Я заметил, что короткие, с обломанными ногтями пальцы ее рук, положенных на колени, мелко дрожат, а глаза тусклые, как у человека, который не спал сутки.

Несмотря на спорную, она устала не меньше, чем я, и теперь всеми силами старалась, чтобы я не заметил этого.

Искося поглядывая на тетку, я почему-то

вдруг вспомнил старый мост, который кряхтел и дрожал во время ледохода. Но стоял, потому что нужно было стоять...

Тетка развязала платок с едой.

Давно, с самого фронта, я не едал такой рассыпчатой печеной картошки, с которой легко снималась хрустящая корочка. Затем снова началось налегание грудью на березовую жердь, пот, льющийся по лицу, и тоскливое ожидание той заветной минуты, когда проклятое бревно окажется на глинистом отливе рядом с двумя десятками других.

Едва мутная приливная волна подошла к собранным бревнам, тетка бросила свой рычаг. — Не поспеем больше... Давай плот сколачивать.

Трехдюймовые гвозди плотно схватили березовыми скрепами толстые бревна плота, вода незаметно приподняла и покачала его.

— На плаву теперь. Ловко подгадали воду.

Тетка взяла багор, а меня поставила с шестом на другую сторону плота, и мы тронулись по реке.

При каждом толчке тупые бревна нехотя раздвигали воду, заплескивая ее наверх. Грузный плот постепенно набирал ход.

Прилив помогал нам, мощный потоком вливаясь в реку и пересиливая течение.

Скоро плот уже ходко шел вдоль берега.

— Здорово! — Частыми толчками шеста я подгонял его. — Так через пару часов дома будем.

— Скоро ты дело делаешь... — усмехнулась Устинья, отжимая мокрый подол. — Через два километра камня будут и прибылая вода кончится... Намаемся еще вдосталь.

Она оказалась права. Через полчаса плот ткнулся о подводный камень и стал, натужно скрипнув березовыми перекладинами.

Пока мы снимали его с каменной верхушки, клином впившейся между бревнами, прилив кончился.

Теперь каждый метр приходилось одолевать с трудом. На середине реки, где было глубоко, течение было таким быстрым, что плот то и дело сбивался в сторону и почти не продвигался вперед. А возле берега, где можно было вести плот, под водой темнели камни.

Когда бревна скрипели, налезая на очеред-

ной камень, я спрыгивал в холодную воду и освобождал застрявший плот. Мокрые брюки облипали ноги, в сапогах хлюпала вода. Зябкий ветерок забирался к телу, знобил спину и бока. Сушиться не было смысла, потому что каждую минуту плот мог снова сесть на мель.

С теткой мы не разговаривали. По одному ее жесту я понимал, что надо отворотить плот или, навалившись на шест, задержать его движение.

До деревни осталось километров пять.

— Устинья! — донесся с берега протяжный крик.

На широком разливе, спустившись к самой воде, стоял человек и махал шапкой.

— Иван Степанович кричит, — сказала тетка. — Бригадир на сплаве.

Приложив руки ко рту, она откликнулась, перекрывая глухой шум воды на перекатах.

— Гони скорее пло-о-т! — донеслось с берега. — Сплав пошел! Запань еду становить!

— Чего рано сплав на-ча-ли? — Устинья перешла на другую сторону плота.

Бригадир сплавщиков, удостоверившись, что мы его услышали, надел шапку и вытащил из кармана кисет. Мне хорошо было видно, как он скручивает козью ножку.

— ...срочно! — донеслось с берега.

Я догадался, что сплав начали досрочно.

— Леший их унеси! — Тетка уперлась шестом. — Всегда что-нибудь придумают, а из-за них тут спину ломай. Пхайся, чего глаза расставил! Застанет нас сплав, до дому не доберемся.

Первые бревна молевого сплава встретились нам километрах в трех от деревни.

— Ничего, теперь прогоним плот! — обрадованно сказала тетка. — Я думала, нас на Никольской корге прижмет, а мы проскочили. Теперь левым рукавом пойдём.

Перед нами был длинный изогнутый остров, заросший мелким тальником. Остров делил реку на два рукава. В правом течение мчалось между камнями воду стремительными глянцевыми перекатами. Там шел сплав. Желтые бревна, похожие издали на карандаши, несли друг за другом, то скользя по стеклянной глади быстрой воды, то утопая в пенных порожистых заворотах. Они обгоняли друг

друга, ударяясь о камни, вставали торчком, уходили под воду, неожиданно выскакивали на поверхность, крутились и снова неслись в топяном потоке.

Левый рукав был тихим, глубоким плесом, где вода двигалась лениво, сбивая в заводях желтые наплывы пенистых пузырей. Десятка два бревен, случайно заскочившие сюда, спокойно лежали на поверхности.

Когда остров кончился, я понял, почему в левый рукав шло так мало сплавляемого леса. За островом наискосок через всю реку протянулась каменная гряда. Как воронка, она собирала плывущие бревна и направляла их в глубокий правый рукав.

— Этака беда! — Тетка застопорила плот. — Завал ведь на корге делается!

Я уперся шестом в каменное дно и оглянулся.

В том месте, где начался порожистый поток, в горлышке воронки, образованной каменной грядой, желтела бесформенная куча бревен. Между ними бурлила вода, выворачивала их торчком, перекидывала друг через друга, швыряла о камни. Завал, видно, начался недавно. Поток еще ворочал его, отрывал бревно за бревном и кидал их в стремнину. Но было ясно, что через час завал вырастет и заткнет воронку, как деревянная пробка.

Завал на порожистой реке — тяжелое дело для сплавщиков. Когда лес идет модем, одно бревно может сделать большую беду. Стоит ему натолкнуться на камень и случайно развернуться поперек течения, как в него упрется десяток плывущих за ним. Потом будут напирать остальные, вклиниваться в затор, забираться друг на друга, и вместо спокойного потока бревен над водой будет ворочаться и скрипеть деревянный еж, распухающий с каждым часом. Тут багры уже не помогут. К такому завалу не подступиться и опытным сплавщикам.

Только хороший заряд взрывчатки может раскидать искореженные бревна и открыть путь сплаву.

— Чего-то сплавщиков на берегу не видно! — Приставив козырьком к глазам ладонь, тетка смотрела вдоль реки. — Сидят, окаянные, где-нибудь у пещки и шанги трескают... А здесь что дуется...

— Поехали, а то сами застрянем. — Мне хотелось скорее пригнать к деревне вымотавший мои силы плот.

— Погоди... Через два часа здесь такая страховина делается, что к ней ни с какого боку не подойдешь... Леса-то сколько загубится! — Тетка перекинула багор и стала медленно отжимать плот вправо. — Я в деревне этих сплавщиков разыщу. Я уж им скажу-выскажу, как лес губить...

Она развернула плот.

— Куда вы?

— Завал разбирать... Давай, Андрей, — хрипло сказала тетка, налегая что было сил на багор. — Видишь, как густо лес идет... Не разберем мы сейчас эту кучку — сплавщикам завал не осилить. Большой утол лес будет, о камни много лесин покорежит.

Подогнав плот к гранитной гряде, за которой ярилась быстрая вода, мы кое-как протиснулись между двумя острыми камнями и оказались в правом русле.

Теперь надо было поднять плот против течения.

По-мужски расставив ноги, тетка стояла на носу и ловко орудовала багром, отталкивая в сторону налетающие на нас бревна.

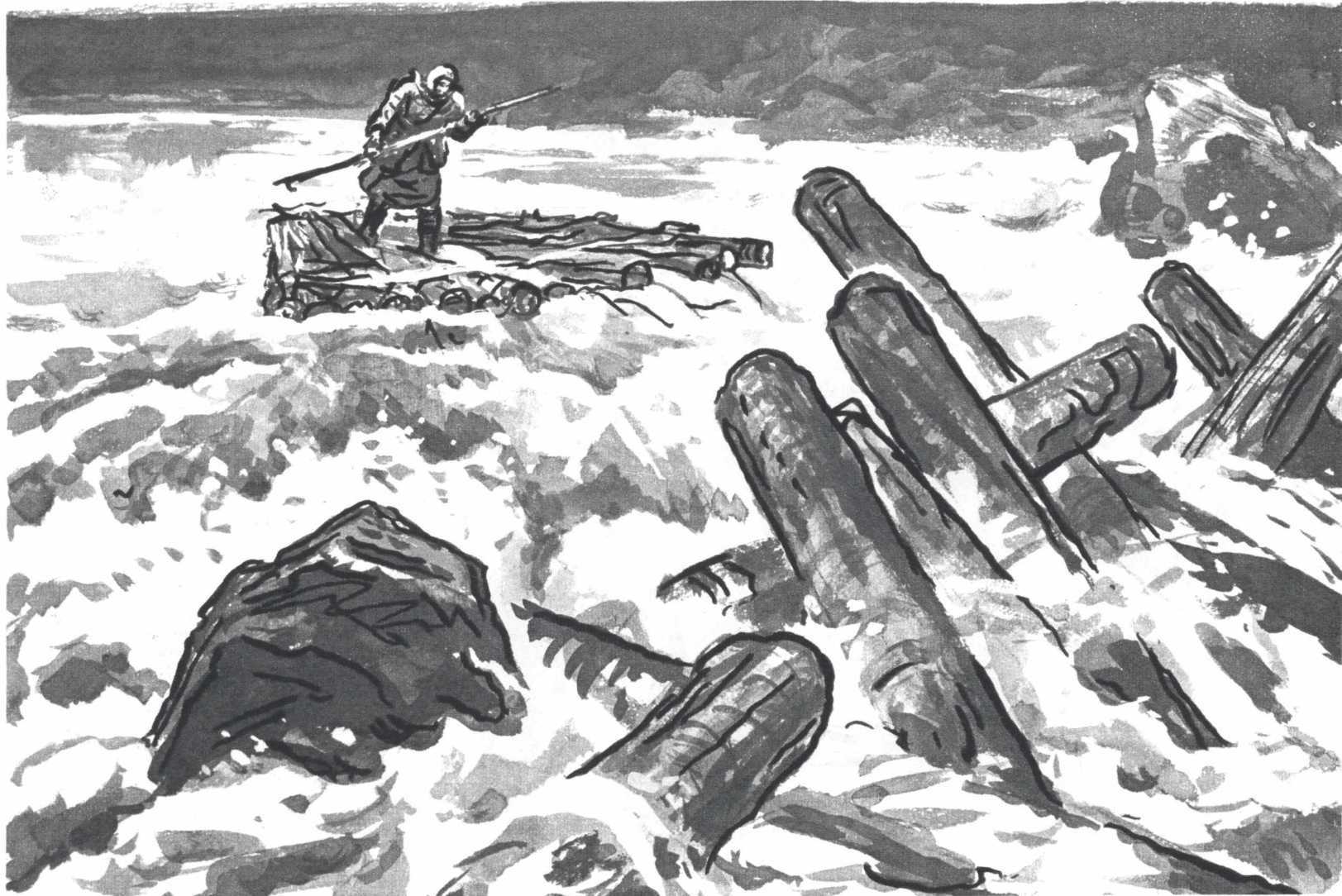
— Давай! — кричала она мне. — В избе потолок головой достаешь, а тут плота сдвинуть не можешь... Разом! Взяти!

Я толкал до ломоты в плечах, до тяжелого хруста в груди, до серых пятен, прыгавших перед глазами.

Наконец мы оказались метрах в двадцати выше завала. Высмотрев подходящий камень, тетка приткнула к нему плот и надежно укрепила его.

— Теперь нам надо бойко дело делать! — И спрыгнула с плота в холодную быструю воду.

То карабкаясь по камням, то бредя по пояс в воде, мы добрались до завала и стали одно за другим отбивать от кучи бревна, проталкивая их на свободную воду. Багор у нас был один, поэтому мне пришлось орудовать березовой жердью. Она то и дело соскальзывала на мокрых бревнах. Я падал, ушибался о кам-

ни, и ругал про себя увертливые бревна, и наконец разозлился.

Одним махом я вскочил на скрипевший завал и, засунув жердь, как рычаг, между бревнами, с остервенением отвалил сразу в сторону полдюжета стволов.

— Гляди, как стронется! — крикнула мне тетка.

Наконец все, что можно было убрать, было убрано. Но в самом центре потока между двумя камнями, высунувшими из воды зазубренные острые верхушки, плотно сидело десятка полтора бревен, вбитых, как деревянный клин. Багром их не осилишь. Оставлять их тоже нельзя. Из-за этих бревен снова начнет расти завал.

— Выбить надо. — Тетка стояла рядом со мной на камне. У наших ног, завиваясь пенными барашками, клокотала вода. — Придется плотом выбивать.

— Разобьется плот.

— Да уж не уцелеет, — невесело усмехнулась Устинья и туго затянула под подбородком узел клетчатого измазанного глиной платка. — Пропал наш плот!

«Пропал наш плот». Эта простая мысль не сразу дошла до моего сознания. Значит, пропал тот труд, который мы с теткой затратили, чтобы собрать плот и поднять против течения почти до деревни.

Но для Устиньи это был не просто плот, а дрова на зиму. На темную и долгую северную зиму, когда стены трещат от мороза и пурга по крыши замечает избы.

— Чем же вы топить будете? — спросил я ее.

— Не береди душу! — Ветер бил в лицо тетке и слезил ей глаза. — Из-за этих иродов-сплавщиков зимой теперь в стуже насидишься! — Давайте я в деревню сбегая и сплавщиков приведу.

— Пока ты их разыщешь, здесь невесть что будет! — отмахнулась от меня тетка.

— Пропадет ведь плот.

— Ты хоть над ухом не каркай... У тебя-то чего голова болит? Спрыснешь себе в город и опять о тетке двадцать годов не вспомнишь.

Тетка изругала меня за те глупые вопросы, которые некстати вставляли в моей сочинительской голове.

Оставив меня на камне, тетка добралась до плота и развернула его на стремнину.

Глубоко осевший плот двигался, как таран, с каждым метром набирая разгон.

Чуть пригнувшись, Устинья стояла с багром наперевес на плоту, который стремительно несло на остаток завала.

«Только бы она не свалилась!» Я покрепче натянул кепку и на всякий случай придержал шестом возле себя толстое бревно.

Всей тяжестью плот ударил в затор. Забурлила водоворотом вода, что-то заскрипело надрывно и тонко, несколько бревен встали торчком и ухнули на плот, расшибая скрепы. Устинья покачнулась, взмахнув багром...

Я закрыл глаза.

Это продолжалось несколько мгновений. Когда я открыл глаза, все уже кончилось. По освобожденному проходу вперегонку плыли бревна, и на паре из них ехала тетка. Наверное, только два этих бревна и остались от нашего плота.

Кое-как я добрался до берега и поплелся за Устиньей в деревню. Всю дорогу она ругательски ругала сплавщиков.

Как у нее мог ворочаться язык, моему уму было непостижимо!

На окраине деревни нас встретил Матвей.

— Где плот? — тревожно спросил он.

— Сплавщики завал на реке проворонили... Нам пришлось разбирать... Вишь, городской гость вымок, как мышь.

— Значит, ухайдакали плот, — догадался Матвей.

— Ухайдакали, — мрачно подтвердил я, впервые за последний час разжав губы. — Тетка им завал разбила.

— Беда прямо с ней... Зимой ведь без дров будешь сидеть, Устинья! — напустился Матвей. — Теперь больше плот не пригонишь!

— По-твоему, надо было, значит, сплавной лес загубить? — тихо спросила его тетка. — Сам, небось, глаза не пожалел, как нужда подошла...

Матвей замолчал.

— Я куплю ей дрова на зиму, — сказал я бригадиру.

— Не нищие, небось... В колхозе живем, обща. — Матвей скопил на меня глаз и дружелюбно прищурился. — Обогреем твою тетку, не сомневайся, товарищ писатель.

На крыльце своего дома Устинья грузно опустила на ступеньку.

— Вот и кончилась моя силушка у родимого порога, — силпо сказала она, и две слезы неожиданно прокатились по ее рыхлым щекам. — Остарела твоя тетка, Андрей... В дом войти не может.

Мы ввели ее в комнату и уложили на теплую лежанку.

Рыжий кот, удивленный молчаливостью своей хозяйки, ходил возле лежанки, свечкой задрал пушистый хвост и недоуменно шевеля усами.

— Пусть завтра она на работу не выходит, — сказал мне Матвей. — Не могла ведь мимо завала проехать... неспокойная душа.

— Непокойная, — согласился я, стаскивая мокрые сапоги. — Вот и пойми ее. Капустную рассаду помнишь? По-моему, она ее все-таки с колхозного огорода принесла... А тут плот не пожалела.

Глаз у Матвея вдруг стал строгим.

— Ты нас, товарищ писатель, капустной рассадой не меряй. Нам этот аршин не подходит. Мелковатый он для нас... Во какие дела.

Проснувшись утром, я увидел на столе стопку исписанной бумаги. Это была почти готовая повесть.

Я подошел к столу и стал рвать один за другим исписанные листы.

В окно был виден старый мост. Выстояв во время ледохода, он теперь деловито пропускал по горбатой спине колхозные повозки и редких пешеходов.

Одно за другим плыли под его позеленевшими от старости быками тяжелые бревна, сплавляемые к морю.

Истопив печь, тетка отправилась на колхозные огороды, а я сжег на прилечке остатки рукописи и уселся за этот рассказ.

За китами!

В. ТАРАСЕВИЧ

Морские просторы бороздят тысячи различных судов. Нефть и масло перевозят в танкерах; руду, машины, зерно везут сухогрузные транспорты; скоропортящиеся продукты морозят рефрижераторы; пассажиры путешествуют на океанских экспрессах — своего рода плавучих отелях.

А теперь представим себе некий корабль-гибрид — комбинат на плаву. Такова новая китобазы «Советская Украина».

Если поставить это судно на берегу, то верхняя палуба оказалась бы на уровне крыши десятиэтажного дома. Площадь разделочных палуб китобазы равна доброй половине футбольного поля; судовая электростанция может обеспечить энергией город с 60-тысячным населением. Механизированный жирзавод занимает территорию большого городского квартала. Рефрижераторная установка ежедневно морозит мяса больше, чем Московский мясокомбинат.

«Советская Украина» ушла в первое плавание. На борту судна 580 моряков-китобоев — столько же, сколько туристов на борту океанского лайнера. Все они живут в комфортабельных каютах, пользуются кинотеатром, библиотекой.

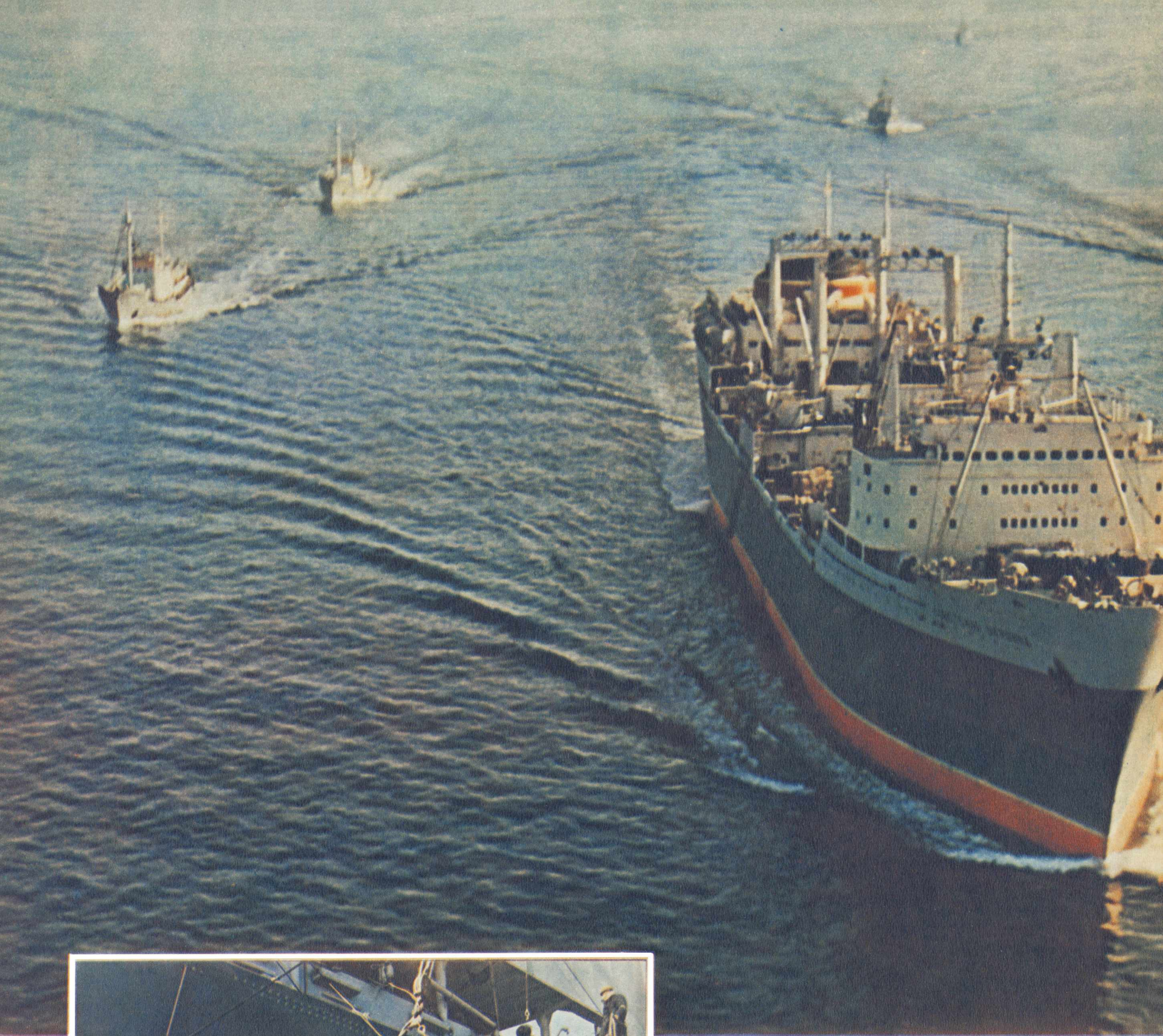
Водоизмещение флагмана советского китобойного флота — 45 тысяч тонн. Столь крупное судно впервые построено на отечественных верфях. Вместе с китобазой на промысел вышли 16 судов-китобойцев.

Капитаном-директором новой флотилии назначен Герой Социалистического Труда Алексей Николаевич Соляник.

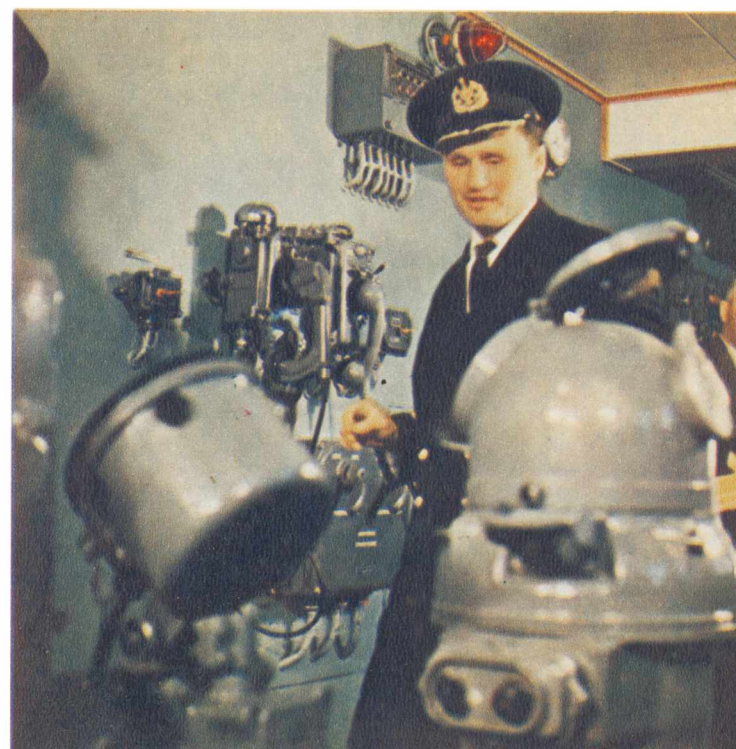
«Счастливого плавания!» Жители Одессы шлют прощальный привет морякам.

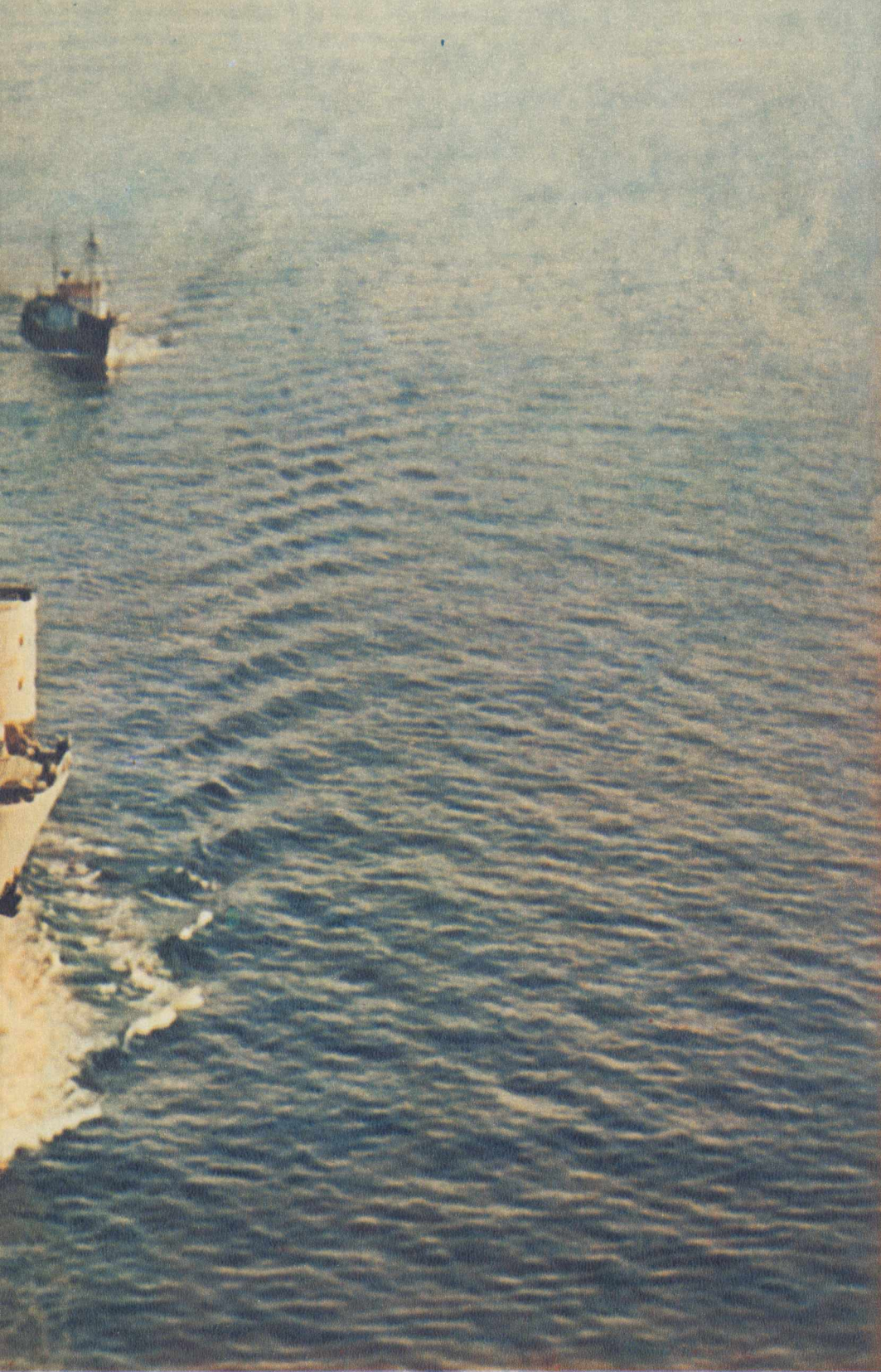

Парадный трап.
←

Старший помощник командира
Украины» Борис Константинов

Капитана «Советской
Украины» Сидоров.

Кинозал корабля.

На фок-мачте китобазы взвились сигналы: «Благодарим за добрые пожелания, в свою очередь, желаем вам всего лучшего!»

←
Флотилия «Советская Украина» выходит в море.

Автор проекта китобазы «Советская Украина» главный конструктор Василий Иванович Могилевич.

МОСТ В НЕВИДИМЫЙ МИР

Белая дверь

Глеб АНФИЛОВ

Невысокий светловолосый подросток тихонько стучится в дверь. Никто не отвечает. Дверь — двухстворчатая, выкрашенная в белую краску — внушает робость и тревогу. Там, за дверью, знаменитый профессор. Он знает то, что обязательно надо узнать мальчугану... Очень страшно идти к нему, но и очень хочется.

Мальчуган решается. Пригладив рукой непослушные пряди волос, приоткрывает тяжелую створку.

— Можно войти?

Профессор поднимает голову и слышит срывающийся от волнения голос:

— Я бы хотел просить разрешения присутствовать на ваших семинарах...

— Так... А сколько вам лет?

— Уже четырнадцать...

— Oго!.. Солидно.

— У меня есть записка от Дмитрия Александровича Граве.

Профессор читает записку известного математика, с любопытством рассматривает юного посетителя.

— Ну, вот что, коллега, берите бумагу и пишите... Эту задачу решите к четвергу.

Задача оказалась нелегкой. Не прибегая к интегралам, надо было вывести соотношение, которое обычно выводится с их помощью.

Через два дня профессор держал в руках решение. Он быстро проглядел несколько листов, сплошь усеянных математическими символами.

— Дельно. Весьма дельно... Через двадцать минут начнется семинар. Оставляйте.

...Это произошло тридцать шесть лет тому назад в кабинете кафедры математической физики Украинской Академии наук. Участники эпизода: профессор — академик Николай Митрофанович Крылов и мальчик — Коля Боголюбов.

Николай Николаевич Боголюбов на всю жизнь запомнил эту белую дверь, которая распахнулась, когда он был еще ребенком. Через нее он вошел в царство своей мечты. Редко кому выпадает удача столь рано разгадать призвание. Видно, очень сильно влекло будущего ученого его любимое дело.

Профессор Крылов был требовательным учителем. Но он очень внимательно относился к ученикам, всячески поддерживал их творческую инициативу. Под его руководством Боголюбов необыкновенно быстро одолел вузовский математический курс и принялся за собственные исследования. Шестнадцати лет от роду, вопреки всем правилам, по ходатайству Крылова и по решению прави-

тельства Украины он был принят в аспирантуру Украинской Академии наук, восемнадцати лет защитил кандидатскую диссертацию, а в двадцать лет стал доктором математики. Ученую степень ему присудили даже без защиты диссертации, «honoris causa» — «ради почета»...

Сегодня Николай Николаевич Боголюбов — всемирно известный математик и физик-теоретик, действительный член Академии наук СССР и УССР, почетный доктор Алахабадского университета (Индия), лауреат Ленинской, Сталинской, Ломоносовской премий...

По следам первой задачи

Люди науки по-разному относятся к математике. Иные увлечены ее внутренней красотой, ее филигранной тонкостью и строгой логикой, ее поистине музыкальной стройностью. Эти ученые стремятся полнее постичь абстрактные математические глубины. Другие же видят в математике шифр всеобщего языка, которому подвластны жизнь природы, законы естествознания и техники. Для них развивать математику — значит не только совершенствовать ее самое, но, главное, познавать и подчинять с ее помощью окружающий мир.

Боголюбов с самого начала был убежденным приверженцем второго направления.

До сих пор помнит Боголюбов формулу, которую ему довелось вывести во время описанного нами первого знакомства с Крыловым. То была, по существу, крупная математическая теории колебательных движений.

Колебательные процессы мы видим на каждом шагу. Качается маятник, дрожит вал машины, вибрируют струны скрипки, летят вдаль радиоволны — все это различные формы колебательных движений.

Уже давно всесторонне исследованы самые простые — линейные — колебания, те, которые представляют собой очень малые отклонения от положения равновесия.

Однако далеко не все колебательные движения носят столь примитивный характер. Куда чаще возникают так называемые нелинейные колебания. Зависимость эффекта от приложенной силы здесь не имеет прямой пропорциональности. Изучению сложных колебательных движений посвящена целая новая дисциплина — так называемая теория нелинейных колебаний, или нелинейная механика. В ее разработке совместно участвовали Боголюбов и Крылов.

Сейчас методами нелинейной техники широко пользуются в ма-

шиностроении, радиотехнике, электронике, приборостроении.

Однако на творческом пути Николая Николаевича Боголюбова нелинейная механика оказалась лишь первым шагом...

Штурм неведомого

Началось с того, что Боголюбов прочитал в Московском университете курс статистической физики. Лекции и семинары получили славу оригинальных и интересных. Зримо сказались характерная боголюбовская манера: никакие положения и выводы не принимать на веру. Он все излагал заново, на более совершенной математической базе. А потом, так сказать, с разбегу выводил исследования на передовой рубеж и штурмовал неведомое.

Что же такое статистическая физика?

Все, что окружает нас, построено из бесчисленных мириад атомов и молекул. Индивидуальные особенности этих крошечных кирпичиков мироздания довольно подробно изучены физикой. Мы знаем, как они движутся в пустом пространстве, как поглощают или излучают энергию, как ведут себя при парных столкновениях. Но этого мало. Очень важно знать не только индивидуальные черты частиц, но и законы поведения их многочисленных скоплений, их, так сказать, «общественный характер». Ведь отсюда вытекают свойства больших тел, составленных из атомов и молекул. Именно этим занимается статистическая физика. Задача ее — связать видимое и большое с невидимым и ничтожно малым. Ее назначение — построить своеобразный научный мост между микро- и макромиром.

Статистическая физика открывает простор для математических методов самой тонкой структуры. И Боголюбов благодаря своему, как он говорит, «математическому происхождению» нашел здесь широкое поле для полезной и разнообразной деятельности.

Фермионы и бозоны

В 1938 году советский физик академик Петр Леонидович Капица открыл явление сверхтекучести, которое выглядело загадочным и парадоксальным. Выяснилось, что при температуре, близкой к абсолютному нулю, газ гелий, превратившийся в жидкость, проявляет необыкновенные свойства. Он как бы распадается на две компоненты, одна из которых полностью теряет вязкость.

Как объяснить странное явление? Чем оно вызвано?

Много физиков пытались ответить на эти нелегкие вопросы. Окончательно сорвать с него покров загадочности помог Николай Николаевич Боголюбов.

Чтобы хотя бы вкратце проследить за логикой его истолкования сверхтекучести, нам придется сначала совершить маленькую экскурсию в микромир.

Там, в глубинах материи, мы встретим бесчисленные полчища разнообразных мельчайших частичек. И все они делятся на два больших класса. К первому относятся те, что носят звучное название фермионов (по имени американского физика Ферми). А второй составляют бозоны (названные так в честь индийского ученого Бозе).

Многие из частиц, именуемые элементарными, такие, как электроны, протоны, нейтроны, принадлежат к классу фермионов. А сложные тела микромира — атомные ядра, атомы, молекулы — могут быть либо фермионами, либо бозонами, смотря по тому, сколько в них элементарных частиц — фермионов. Четное число фермионов дает бозон, нечетное — опять фермион.

Можно сказать, что микрочастицы, как и люди, любят жить семьями. Семьи из нечетного количества членов (холостяк-одиночка, супружеская чета с ребенком и т. д.) соответствуют фермионам, а, скажем, молодожены или супруги с двумя детьми — бозонам. Но если человеческие семьи при любом составе ведут себя примерно одинаково, то о «семьях» микрочастиц этого сказать нельзя. Бозоны и фермионы резко различны по характеру и свойствам. Так, два фермиона не могут находиться в одном состоянии. Им запрещено, например, иметь одинаковые скорости движения, располагаться вплотную друг к другу. Бозоны же, наоборот, склонны к тесной группировке. Это важнейшая их особенность.

Право на сверхтекучесть

Теперь вернемся к сверхтекучему гелию. Атом его сложен из шести элементарных частиц — фермионов. Как видите, число четное. Значит, такой атом является бозоном. Это и послужило Боголюбову отправной точкой исследований.

Разработав новые математические методы, ученый провел тщательное статистическое изучение систем бозонов и пришел к выводу, что сверхтекучесть в них вполне законна. Почему же?

Давайте разберемся сперва, почему возникает вязкость, трение обычной жидкости. Здесь дело простое. Частички жидкости ударяются о стенку трубы, отдают ей свою энергию и тормозятся. Более быстрые частички, сталкиваясь с замедленными, в свою очередь,

тормозятся. Постепенно замедляется движение всех частиц. Так ведут себя обыкновенные жидкости.

В системе же бозонов при сверхнизкой температуре ничего подобного не происходит. Как доказал Боголюбов, бозоны там связываются друг с другом. Образуется сцементированный коллектив частиц, не участвующих в хаотическом тепловом движении. Все члены его приобретают одинаковые скорости. И чтобы замедлить хотя бы одну из этих частиц, необходимо значительная энергия, которой при достаточно низкой температуре просто неоткуда взяться. Грубо говоря, в системе появляется «дух коллективизма», не позволяющий какой-нибудь из частиц «оторваться от коллектива». Вот и выходит, что поток бозонов течет, «не замечая» стенок трубы. Вязкость пропадает.

Получилось как раз то, что требовалось,— статистическое обоснование сверхтекучести. Теория Боголюбова, о которой мы рассказали, разумеется, очень упрощенно, послужила здесь прочным мостиком между микро- и макромиром.

Вечное движение и его загадка

Электрический ток. Кому не знакомо это распространеннейшее явление! В наши дни служба его безгранична. И всякий знает, что протекая по проволоке, ток всегда испытывает сопротивление и нагревает ее. Почему?

Внутренняя структура любого металла—это своего рода каркас, «кристаллическая решетка», составленная из тяжелых ионов—атомов, с которых «стряхнуты» легкие частички—электроны. Получившие волю электроны беспорядочно шныряют между ионами кристаллической решетки. А когда кусочек металла прижат к полюсам батарейки, электроны подхватываются силой электриче-

ского поля и «сдуваются» в определенном направлении. Это и есть электрический ток. Понятно, что, двигаясь в металле, электроны сталкиваются с ионами решетки, отдают им свою энергию. Ионы раскачиваются, температура металла поднимается, а ток ослабевает.

Представьте себе теперь небольшое цинковое колечко, охлажденное почти до абсолютного нуля. В этом колечке наведен электрический ток. И вот чудо: время идет, но ток совершенно не ослабевает, хотя источник его давно отключен. Проходит час, день, неделя, месяц, наконец, год—ток течет.

Что же это за вечное движение, что за волшебный проводник? Вот вам еще одна загадка, загадка так называемой сверхпроводимости. Она казалась непознаваемой, противоречащей общепринятым основам физики. Лишь несколько лет назад открылись возможности для решения этой проблемы. Глубоко и самое принципиальное ее истолкование принадлежит Боголюбову.

Ученый раскрыл внутреннюю сущность сверхпроводимости с позиций своего объяснения сверхтекучести. Он доказал, что при сверхнизкой температуре в некоторых металлах и сплавах может образоваться связанный коллектив электронов, способный к сверхтекучести. Это проявляется как сверхпроводимость.

Прийти к такому выводу было совсем не просто. И вот почему.

На первый взгляд кажется, что поток электронов никак не может быть сверхтекучим. Ведь столь «удивительным» способом движения впряме пользоваться лишь бозоны. Электроны же отнюдь не относятся к этому классу. Они навечно записаны в фермионы, которые, как уже говорилось, лишены возможности образовывать сверхтекучие системы. Видите, явное противоречие. Однако оно оказалось мнимым.

Вы помните, что микрочастицы склонны объединяться в «семьи».

Так почему бы не представить себе, что в сверхпроводящем металле электроны связываются в пары? Двойка—число четное. Поэтому пара электронов-фермионов повела бы себя, как бозон. А система, построенная из электронов, связанных попарно, получила бы право на сверхтекучесть.

Но ведь эти частицы наделены одноименным отрицательным электрическим зарядом и должны упорно отталкиваться друг от друга! Опять препятствие! Как преодолеть его?

Выяснилось, что электроны способны объединяться в пары не непосредственно, а через посредников и на расстоянии—через ионы кристаллической решетки. Положительно заряженный посредник стягивает электроны, не желающие объединяться. Причем, как вытекает из теории Боголюбова, лучше всех связываются в пары те электроны, которые летят навстречу друг другу.

— Такая пара,—объясняет Николай Николаевич,—это как бы «должность», вакантное место, которое занимают все новые и новые «работники». В сверхпроводнике происходит своеобразный танец частиц. Электроны—«танцоры» прыгают среди «колонн» кристаллической решетки, все время меняя своих партнеров. Там фермионный газ становится бозонным и завоевывает право на сверхтекучесть.

Словом, вопреки всему сверхпроводимость есть не что иное, как сверхтекучесть электронов в металле. Такова сущность боголюбовской теории сверхпроводимости—теории, которая принесла славу своему автору и послужила основой для ряда других исследований.

Например, не так давно неожиданно выявился любопытный факт. Оказалось, что теория сверхпроводимости имеет прямое отношение к столь животрепещущей области знания, как физика атомного ядра. Оказывается, частицы ядра—протоны и нейтроны—тоже способны образовывать пары-бо-

зоны. В результате ядро предстает перед нами как капля сверхтекучей жидкости. Вот этому сверхтекучему ядру и посвятил Боголюбов свой доклад на прошлогодней Женевской конференции по мирному использованию атомной энергии.

Ученый-учитель

Конечно, мы рассказали не о всех трудах академика Боголюбова. Многогранность и продуктивность исследований ученого поражают всякого, кто с ними знакомится. Недаром эти работы увенчала Ленинская премия.

Академик продолжает трудиться, творить, воспитывать молодых исследователей...

— Без учеников я, конечно, не сумел бы столько сделать,—говорит Николай Николаевич.

— А сколько у вас учеников?

— Много!

Он смеется, понимая, что в устах математика этот неопределенный ответ звучит курьезно.

А учеников действительно много—и в Киеве, и в Москве, и в Новосибирске, и в Дубне...

Всем им Николай Николаевич стремится передать основной принцип своей работы, принцип, который он выражает кратко:

— В параллель с учением—исследование.

— И не слишком много читать,—добавляет, улыбаясь, кто-то из его учеников, но, видя мое удивление, спохватывается:— Читать, конечно, обязательно, но не чрезмерно! И еще: Николай Николаевич страшно сердится, когда кто-нибудь из нас не поймает в книге главное...

— Да. Мой учитель говаривал: «Многоттение не научает»,—отзывается Боголюбов.— Читать надо так, как это делал Рахметов у Чернышевского. Помните? «Я читаю только самобытные и лишь настолько, чтобы знать эту самобытность». Надо работать самому. И самобытно.

Очень характерно для боголюбовской школы!

Леонтий Иванович Яскевич.
Фото В. Чернова.

ЦВЕТЕТ САД В СОВЕТСКОЙ ГАВАНИ

Холодное лето похоже здесь на осень, а весна не похожа ни на что... А уж если белые давящие туманы близкого Татарского пролива накрыли город, так на две недели дожди. Трудно, казалось бы, Советская Гавань для жизни...

...Улицы разбежались вниз и в самом котловане между пологими сопками круто свернула вправо, едва не задев длинного дощатого забора. Любый встречный вам сообщит, что за ним знаменитый сад Леонтия Ивановича Яскевича. Когда-то, говорят, на этом месте было топкое болото и такой же сплошной камень, накой лежит вокруг. В это трудно сейчас поверить, но взгляните на ровную галечниковую стену, окружающую хозяйство Леонтия Ивановича: руни потомственного крестьянина вырыли из земли каждый камень из этих тысяч, аккуратно перенесли к краю усадьбы, в пух перетерли горы неподатливой земли. Они добывали перегной и бережно рассыпали его по грядкам, чтобы подорвало бывшее болото и терпеливо приняло к себе прихотливых южных переселенцев.

Леонтия Ивановича перетянули в Советскую Гавань дети. Выучились, и радости своего отца, получили назначение на Север. Завод, где работал старший, помог корчевать болото: дали трактор, автомашину,—совершенно, впрочем, не веря, что дело удастся. Молча сажал старик молодые яблоньки, привезенные с собой издалека, молча прикапывал их на зиму и скрывал ото всех свое беспокойство.

Весной тридцать деревьев из пятидесяти погибли...

Старик сел за книги. Вычитал нужное: нельзя было в этих условиях прикапывать. И на следующую зиму сделал вокруг яблонек балаганы, укрыл картофельной ботвой. Это и спасло их от сильных морозов, от весенних внезапных оттепелей, которые оставляют после себя коварные наледы...

А вот уже четыре года яблони зимуют без всяких шуб: и белый налив, и пипин-китайка, и ранет, и пудовщина. Осмелел—завез к себе антоновку. И поверите ли вы, что вот это тонкое деревце, которое так бережно осматривает Леонтий Иванович, и в прошлом году и в нынеш-

нем принесло ему по нескольку десятков килограммов сочных, тяжелых яблок!

Никто не верил, что в Советской Гавани можно развести пчел. В самом деле, есть здесь цветы, да не те: скромная северная фиалка, ландыш по лесам; липа осталась далено к юго-западу, уступив место стройной, многометровой лиственнице. Но зато—подсмотрел наблюдательный глаз старика!—буйно пробивается сивозь гальку белый ползучий клевер. Яскевич решительно отправился за пчелами—и в первую же осень «меда не обобрался...». Пришлось даже продавать.

Нынче уже приходили за опытом несколько бывших «неверующих»—так двинулось вперед и это дело.

— Да и за сады сейчас взялись,—с улыбкой говорит Леонтий Иванович.— Один старик из поселка Лососина, Семенов, даже питомник развел. Хочет вывести местный сорт. Четыреста деревьев посадил. Сейчас даже коллективный сад закупают.

Л. МАЛИНОВСКАЯ

ДЕЛА и ЛЮДИ ЧЕПЕЛЯ

Йожеф В И Г,
венгерский журналист

Фото автора.

— Вы спрашиваете, как мы живем, какое у нас настроение? Поглядите на людей!

Мы стояли у входа на территорию чепельского гиганта со старым моим знакомым, работающим здесь уже полтора десятка лет. Я огляделся. Нескончаемый поток людей вливался в ворота — подходила дневная смена. Мужчины — в добротных пальто, юноши — в хорошо скроенных костюмах, в руках у всех красивые портфели. Кто из них рабочий, кто инженер, кто служащий? Заметил я старика, в руках которого вместо портфеля был сверток. Когда-то, в довоенные годы, такой газетный сверток был, пожалуй, символом. В нем приносили на завод незамысловатый харч, который рабочий наскорю съедал прямо у станка. Теперь это уж скорее «традиция», ее по привычке соблюдают живущие неподалеку от Чепеля старые рабочие. Ну, а женщины? Оживленные лица, сшитые со вкусом платья, яркие платочки, нейлоновые сумки. Западные газеты все продолжают болтать о том, что социализм якобы «унифицирует» людей. Если они имеют в виду общий подъем благосостояния людей, хорошую одежду, бодрость и уверенность в завтрашнем дне, то такая «унификация», действительно, у нас есть. При капитализме отрешая, нищета, боязнь завтрашнего дня делают рабочих похожими друг на друга. Но буржуазная печать не очень-то сетует по этому поводу!

— Вы правы! — кивнул я своему знакомому. — Картина ясная, она говорит сама за себя...

На «главной улице» Чепельского металлургического комбината слышится грохот гигантского молота кузнечного цеха. Сердце огромного комбината бьется мерно. Чепель стоит на передовой линии социалистического строительства. Тридцать две тысячи человек работают на комбинате, и среди них пять тысяч коммунистов. Четырнадцать тысяч рабочих в полутора тысячах бригад в дружеском соревновании борются за то, чтобы завод достой-

но ответил на призыв ЦК ВСРП — уже к концу этого года поднять производство до уровня, запланированного на конец 1960 года.

История завода восходит к 80-м годам прошлого столетия. Тогда это была малозаметная консервная фабрика. Позднее владельцы приспособили ее для производства военных материалов.

В январе 1945 года Советская Армия освободила Чепель. Чепельские рабочие плечом к плечу с советскими солдатами приняли за возрождение мертвых, искверканных бомбежкой цехов. В 1947 году производство достигло довоенного уровня, но тогда Чепель выпускал уже не военные материалы. Весной 1948 года он перешел в народную собственность.

Идешь по сегодняшнему Чепелю, раскинувшемуся на много километров, и мысленно пытаешься представить все то, что выпускают его восемнадцать заводов. На металлургическом — алюминиевое литье, блоки для дизельных моторов, трубы, кабель. Рядом со старым трубопрокатным предприятием — его нефтепроводные, водопроводные и газопроводные трубы идут в Швейцарию, Францию и другие западные страны. Машиностроительный дает котлы высокого давления, комплексное оборудование для трубопрокатных заводов, в частности для народного Китая. Станкостроительный поставляет станки более чем шестидесяти странам, его фрезерные и радиально-сверлильные станки известны во всем мире. Тысячами, десятками тысяч выходят из цехов Чепеля велосипеды, мотоциклы, швейные машины.

На Втором трубопрокатном заводе мы разговорились с молодым вальцовщиком Йожефом Фалуди, стройным, кареглазым, с веселыми искорками во взгляде.

Йожеф Фалуди тепло и в то же время деловито рассказывает о бригаде, в которой работает:

— Нас двадцать пять человек. Не было случая, чтобы обязатель-

ства снижаем брак. Каждая минута рабочего времени у нас на счету. А уж если нужно что-нибудь, чтобы улучшить производство, мы не отступимся, пока не добьемся этого.

Йожеф Фалуди женат, у него трое детей.

— Зашли мы на днях с женой в новый мебельный магазин, — говорит он. — Присмотрели для себя самую дорогую мебель. Часть денег у нас уже есть. А другая часть... Тут, видите, приняли одно мое предложение, оно снизит престои на прокате, даст более полу-миллиона форинтов экономии. Вот на премию я и куплю мебель.

Глаза молодого вальцовщика весело поблескивали, когда он сказал, прощаясь:

— Ну, а о нынешнем положении у нас на заводе и в стране скажу только одно: машины вертятся, и здорово вертятся!..

Чепельский станкостроительный завод... Он стал колыбелью нового плодотворного движения венгерских рабочих. Пример бригад коммунистического труда в Советском Союзе воодушевил станкостроителей.

В жизни завода знаменательным днем было 12 августа. В этот день на рабочем собрании пять бригад удостоились звания бригад социалистического труда.

Беседа в цеху с прославленными бригадами была долгой и содержательной. От производственных дел перешли на общие темы.

— Советские спутники и ракеты — лучшие агитаторы, — говорит один из моих собеседников. — Перед глазами у нас заводы и поля Советского Союза, новые дома для рабочих. Это ясные и понятные факты. На нашем заводе сейчас едва ли найдется человек, который стал бы сомневаться, что в мирном соревновании победим мы, социалистический лагерь.

Незабываемое впечатление оставил у рабочих станкостроительного визит товарища Хруще-

У ворот Чепеля. Идет смена.

ва 9 апреля 1958 года. Он посетил Чепель, побывал на многих предприятиях и выступил перед рабочими.

По мнению бригадира Валлнера, особенно большой отклик нашли слова товарища Хрущева о том, что социалистические страны могут одновременно с Советским Союзом прийти к коммунизму. Люди много говорили об этом, новым светом осветились в сознании рабочих замечательные перспективы сотрудничества социалистических стран.

— Товарищ Хрущев говорил так, что очень пришелся нам по сердцу своей простотой, непосредственностью.

Это — единодушное мнение чепельцев.

Станкостроители поделились со мной и своими заботами. Оравец, один из членов бригады Валлнера, только что купивший себе телевизор, жаловался на то, что нельзя купить в рассрочку автомашину. В бригаде, да и на всем Чепеле, царит «автомобильная лихорадка». Мотоциклы теперь уже не обладают особой притягательной силой. Почти все члены бригады уже купили бы автомобили, но не могут, потому что строят себе дома.

Покидая Чепель, я поговорил с товарищем Кардошем, одним из секретарей партийного комитета комбината. Он сказал:

— Вы спрашиваете, чем гордятся чепельцы. Тем, что на них могут твердо опираться наша партия и правительство, весь строящийся социализм венгерский народ. Это, конечно, заслуга не отдельных людей. То, чего мы достигли, мы завоевали сообща. Нам нужна и в дальнейшем упорная работа, коммунистическая скромность, чтобы идти вперед к нашей общей цели. Только так мы сможем выполнить задачи, которые будут определены на предстоящем съезде партии.

Девушка-крестьянка из сельскохозяйственного кооператива в Натре; она еще и артистка: танцует в самодеятельном хореографическом ансамбле.

ДОБРОГО ПУТИ, АЛБАНИЯ!

Сегодня национальный праздник албанского народа — День освобождения. Народная Албания отмечает свое пятидесятилетие. Эти полтора десятка лет равны многим десятилетиям: столько свершено за минувшее время! Когда в годы войны народ брал в руки оружие, чтобы освободить страну, он мечтал о сегодняшнем дне, о сегодняшней Албании. Ему есть чем гордиться: сейчас страна производит в 18 раз больше промышленной продукции, чем до войны.

Уверенность в еще более прекрасном будущем живет в душе каждого албанца. Народ знает, что его путь — к самым высоким вершинам человеческого счастья.

По этому пути албанский народ идет вместе со своим искренним и верным другом — советским народом, вместе с народами всех стран социалистического лагеря. От них он получает дружескую и бескорыстную помощь.

Цветущим социалистическим садом становится народная Албания — «страна горных орлов», страна наших друзей, верных и искренних. Доброго пути тебе, народ-друг!

Возрождение

Лазар СИЛИЧИ

Проснулся мир. Я вижу склоны гор.
Легко дышать. Какая четкость линий!
И кажется: зовет простор
Лететь туда, под купол синий.

И лилий белизна, и сосен медь,
И синь вершин под ясным небосводом
Тебя зовут, приказывают петь,
С ликующим кружиться хороводом...

* * *

Потрудимся сегодня на субботнике!
Долой пиджак! Вооружись киркой!
Здесь молодость страны, ее работники —
Народ широкоплечий, заводской.

Здесь рядом с непокорной юной прядкой
Сверкает снег суровой седины,
И все пленяет молодую хваткой
И дышит юной свежестью весны.

Квартал. Цветы цветут по обе стороны,
А там дома растут: за домом дом.
Вот улица широкая, просторная.
Звенит кирка. Стучит о камень лом.

А вон домишко. Он между другими
Стоит невзрачный, маленький, кривой.
А на стене хозяин высек имя
И дату: «Девятьсот тридцать седьмой»...

Где ж наши имена писать, Тирана?
Мы впишем на страницах площадей
То имя, что вело нас неустанно, —
Большое имя Партии моей!

* * *

Идут года, стремится их поток...
Срастаюсь я с Отчизною корнями.
Состарюсь я, потом и ты, сынок,
Состарисься, и внуки вслед за нами.

И люди новые украсят этот край,
Влюбленные в красу своей Отчизны.
И будет в ней всегда биенье жизни,
И весны новые, и взлеты птичьих стай...

Другие воспоют ее певцы,
И, может, песни их прекрасней будут.
Но будущего славные творцы
О наших днях вовеки не забудут.

Мы зная предков приняли из рук
И новым поколениям передали!
Мы слово Коммунизм с тобою, друг,
Впервые на знаменах начертали.

Громили мы жестокого врага.
В огне борьбы мы закаляли души.
В лицо хлестали ливни и пурга,
А под ногами путались кликуши...

Потомки! Так мы жили без прикрас.
И в звездных песнях, ясных и высоких,
В те годы счастья вспомните далеких,
Поющих и сражающихся — нас!

Перевел с албанского
Д. САМОЙЛОВ.

Третьи сутки с низкого неба сыпался снег, пушистый, будто козий пух. На земле он как бы согревался камнями, вобравшими в себя летний жар, и становился мокрым, липким. Жители села осторожно скользили по крутым улицам, придерживаясь руками то за стены, то за изгороди, сложенные из грубых камней. Село венчала древняя крепость. Кругом поднимались горы. Ночью при луне горы как будто бы населялись причудливыми подобиями всадников и крылатых коней, рыцарей в шлемах, оленей с ветвистыми, почти до звезд, рогами, задремавших орлов. Такова сила могучего ваятеля — природы с ее резцом: ветер, ливни, потоки и неторопливое творчество веков...

В селе живут мальсоры, сильные, ловкие горцы с тонкими и цепкими ногами в обуви из сыромятины. В таких чужаках ступня чувствует почву, вернее, выбирает тропку, не поскользнется. Зимой шерстяные чулки у щиколоток помогают движению в горах в любую погоду.

Если спуститься с высоты в долины, можно увидеть цветущие гладиолусы, канны и мимозы, и там, чтобы имитировать снег на новогодних витринах и елках, приходится прибегать к вате. Внизу лежала Адриатика, яркая, просторная и недоступная. Детям и старикам, вынужденным наблюдать море с орлиных высот, оно казалось сказкой. Облака часто закрывали море и оставляли людей наедине с горами и стенами домов, сложенными из крепкого камня.

Природа пришла на помощь Скандербегу, когда ему пришлось десятилетиями выдерживать турецкую осаду. Горы помогали албанцам в годы Освободительной войны. Горы видели, как формировались отряды, как из отрядов вырастали бригады и дивизии и захватчики изгонялись отовсюду мужеством храбрецов-патриотов. Заздравный тост здесь завершается словами: «Живите так долго, как живут горы».

Девиз нации — бэса, ндэр, буррни — пришел из глубины веков, укоренился в истории и как бы вписался в геральдический герб. Бэса — слово, ндэр — честь, буррни — храбрость! Бэса охраняет гостя, отдает страннику дом и пищу; бэса крепче замка, дороже денег, вернее булата. Недаром говорят: «Если албанец дал слово, он режет сына».

В домике, прилепленном к стене крепости, жила семья Тоди Джахюса, шофера кооператива. Тоди был сыном старой Дюзе, хранившей в своей ясной памяти предания старины и традиции предков. Дюзе много лет. Мужа ее задавило обвалом в ущелье, — так и не нашли его труп; старшего сына казнил король во Влоре, второй сын пал в боях еще до 28 мая 1944 года, когда Перметский конгресс организовал из 1-й, 4-й и 5-й бригад знаменитую 1-ю дивизию, куда ушел ее третий сын, Тоди. Командир дивизии Мехмет Шеху приезжал в их село, и его видела старая Дюзе. От сына мать знала о войне на Юге после приказа Энвера громить гитлеровцев, объявивших поход против партизан. Город Берат известен Дюзе только потому, что возле него ее сын повторил известный подвиг Войе Куши, бросившись на немецкий танк. Тоди был ранен в грудь и правую руку. Он успел залечить раны и участвовал в освобождении Севера после того, как 1-я дивизия перешла реку Шкумби.

Протянув коричневые руки к тлеющему в очаге корню сливового дерева, Дюзе могла

Бэса

Рассказ

Аркадий ПЕРВЕНЦЕВ

Рисунки И. ГРИНШТЕЙНА.

рассказать историю своей страны, хотя нога ее никогда не ступала дальше родного села. Она видела турок, итальянских берсальеров с черными бородами и перьями на шляпах, немец с озябшими лицами и испуганно-гневыми глазами. Сюда заглядывали сборщики налогов короля Ахмеда Зогу, и однажды в село забрели французы с масляными речами и юркими движениями, — они разыскивали металлы и нефть. Король им разрешил. У него самого было много плодородных земель и дворцов. При короле в стране будто повалили заборы и выбросили в бурьяны ключи... Чужие люди бродили где хотели и делали все что угодно. Восстание против короля означало изгнание тех, кого он пустил в страну. Тоди пошел против короля. Он мстил за кровь и страдания. Его благословила старая Дюзе. Но люди, переступившие за ограду их дома, неизменно пользовались кровом и пищей. Их охраняла бэса, священный круг гостеприимства и бессребрня, будто начертанный вокруг каждого дома. Бэса терлась за калиткой дома и оградой села.

Завоеванной народной свободе исполняется пятнадцать лет. На красном знамени расправил крылья двуглавый орел Скандербега. После того, как страна отвоевала свободу и великий Башкими Советик¹ стал бескорыстным другом, Дюзе перестала бояться и дрожать,

думать о хлебе, беспокоиться о жизни своего сына, трех внуков и невестки Фатбарды, приехавшей с сыном из Лушни, города, окруженного ровными полями пшеницы, ячменя и кукурузы, где Тоди работал на осушении болота.

Фатбарда считалась одной из выдающихся женщин-активисток. Она окончила школу и умела хорошо говорить. Сегодня Фатбарда привезла из Тираны ветви мимозы и вельвет на костюмчики детям. Фатбарду посылали делегаткой от женщин села. Башкими Советик прислал письмо. Его читала на митинге Лири Белишова, которую, как и Неджмие Ходжа, знали все в Албании, мал и велик. Шок (товарищ) Хрущев обещал от имени Советского Союза построить в Тиране Дворец культуры, радиостанцию, чтобы она могла вещать на всю страну и рассказывать зарубежным друзьям о том, что делает албанский народ, какие у него заботы, радости, достижения. Наконец-то Тирана донесет до каждого села, будь оно заброшено в любые горы, все новости, события гораздо раньше газет, — их иногда приходится доставлять на вьюках.

Ветви мимозы в медном кувшине с мусульманскими письменами олицетворяли для Дюзе все добрые вести, привезенные из долины веселой, возбужденной Фатбардой. За окнами продолжал лепить снег, и, так как время приближалось к вечеру, в комнате стало темнее. В сенях покрикивали утки, загнанные на ночь, чтобы они не попались на зуб голодной лисе. Скоро должен был вернуться Тоди. Его поджидала мамалыга и жареный с кореньями кролик. Если Тоди захочет, есть сыр и в кладовке можно найти свежий прасс², худру³ и даже бутылку фруктовой раки.

Сливовый корень давал больше дыма, чем огня. Дюзе подула в трубку, чтобы добыть пламя для чайника, подвешенного на крюке. Фатбарда сидела возле детей на овечьей шкуре и вышивала на пяльцах шелковыми нитками. Дети, сосредоточенно сопя и облизываясь, ели конфеты из целлофанового куллка, заманчиво обнажавшего перед их алчными глазами яркие этикетки. Неприхотливая обстановка скрашивалась добрым согласием двух женщин и детьми, всегда приносящими надежду и улыбку. Дюзе подмела крылышком утки пепел, потрогала прокопченную шерстяную тряпку, прикрывавшую устье очага, и принялась снова вязать чулок. Виток коричневой шерсти запрыгал у ее острых колен, прикрытых платьем из тиранской штапельной ткани.

Продолжался разговор двух женщин, ожидавших прихода кормильца-мужчины.

— Какие еще новости, Фатбарда?

Голос Дюзе был чист и громок для женщины ее лет, а лицо ее, сморщенное десятилетиями горя и трудов, было похоже по цвету на металл старинных медных монет.

— Нам показали новую оперу, которую привезли из Шкодера, нена⁴.

— Опера, когда люди не разговаривают, а поют?

Дюзе закурила фабричную сигаретку.

Дети уже спали на циновке под корчским ковром, знавшим еще вечно утомленное тело старшего сына Дюзе.

— Да, нена. Опера — спектакль с музыкой

² Прасс — лук-порей.

³ Худра — чеснок.

⁴ Нена — мать.

¹ Советский Союз.

подписывал листовки, которые сбрасывали с ночного самолета. Мустафа звал назад, хотел изорвать знамя новой Албании. Его заблуждениям и жестокости не было конца. Мустафа выступал против дружбы с Башкими Советик, предлагал снова возродить Балли-комбетар¹, натворившую столько бед и подлостей. А за ними кто пожалует? Корабли с пушками и все, кто убивал, жег и грабил.

банцы, только по имени, и не Мехмет, как пишут, а Мемет,— так называли его все: и Энвер Ходжа, и Бекир Балуку, и другие...

После ужина Тоди закурил, поиграл с детьми, побеседовал с женой, выслушав внимательно ее рассказ о посещении Тираны. Тоди посоветовал ей не откладывать собрания женщин и передать им поскорее важные известия. Беседа в их семье всегда носила живой, непринужденный характер. Каждому были близки интересы друг друга, и Тоди любил посидеть у огонька, обсудив и то и другое, к чему никто, в том числе и мамаша Дюзе, не оставался равнодушным.

и лением. В опере Мрика участвует в строительстве электрической станции и...— Фатбарда замялась, и в ее агатовых глазах возникла тревога,— приходит чужие люди, оттуда...— Ее рука махнула в сторону моря, на ту стену, где висели портреты погибших отца и двух сыновей.— Чужие люди стараются разрушить станцию, и это им не удается: строители оказались сильнее нескольких пришельцев.

— Они просили приют?

Дюзе не повернула головы.

— Да.

Фатбарда знала, к чему клонится вопрос.

— И там нарушили бэсу?

— Да...

— Почему?

Дюзе кончила курить и бросила окурки в угли.

— Потому, что чужие люди хотели нарушить наш труд.

— Чужие люди — кто?

— Албанцы. Их прислали оттуда на самолете, сбросили на парашютах...

Дюзе кивнула. Она слышала о самолетах и парашютах и усвоила эти пришлые слова, вначале непривычно резко звучащие для ее крестьянского уха.

После короткой паузы, наполненной посвистом ветра и дыханием крепко спавших детей, Дюзе возобновила тот же разговор, видимо, чем-то затронувший ее чувства.

— В театр пришло много людей?

— Полным-полно. В театре были товарищи Энвер, Спино, Хюсни, Лири и Неджмие. Они часто аплодировали.

— Я не все понимаю.

Дюзе зябло пожала плечами и сжала тонкие, бескровные губы так крепко, будто боялась выпустить через них какое-то слишком настойчивое слово. Ей показалось не совсем правдоподобным, чтобы на представление, привезенное людьми с Севера, как бы ни славились Шкодер, сразу пришло столько руководителей, известных ей полтора десятилетия. Их трудно было представить в толпе слушающими музыку и песни. Разве у них нет более важных дел? Дюзе нравилось, что такие люди, сумевшие вместе с ее сыновьями выбросить итальянцев дуче, немцев Гитлера, короля Зогу, сливаются с народом. Однако если они хлопали в ладоши вместе со всеми, значит, они согласились с нарушением бэсы. Восемьдесят лет ее жизни вставали, как скалы, за них цеплялись облака и прятались лучи солнца, мир новых представлений туго умещался в ее мозгу. Время наступало и требовало решений, несовместимых с теми самыми скалами, которые могли задержать даже восход солнца. Бэса очерчивала заколдованный круг возле старой женщины, звала к защите, что-то крошилось, как стены от ветра и дождей, и многое вдруг покрывалось пеленой, такой же, какая ложилась перед ее неграмотными глазами, когда она раскрывала книгу.

— Хорошо,— нарушила молчание Дюзе,— твой брат Мустафа ушел туда...— Рука старухи указала на стену, за ней угадывалось море.— Если он вернется...

Фатбарда вздрогнула. Мустафа — самое больное ее место. Всегда вспоминают Мустафу на работе, при посылке делегаций, на собраниях, стоит только поднять вопрос о ее выдвигании. Мустафа — враг. Это установлено. Он

— Если он вернется...

Фатбарда не закончила фразы: слишком страшными показались ей собственные мысли.

— Бэса есть бэса.

Дюзе продолжала вязать и молчала до тех пор, пока не стукнула щекотки и на пороге не появился с винтовкой в руках мокрый, усталый Тоди.

На его усиках быстро растаял иней, и щеки вскоре посвежели от тепла и пищи. Он ел сыр и мамалыгу и быстро, так, что ходили желваки на щеках, расправился с задней ножкой кролика. Мясо он подхваливал и называл кролика трусишкой. Тоди сам изловил дикого кролика, загнанного им к отвесной скале, где он не мог улизнуть, как ни старался.

— Я знаю теперь место, где водятся эти трусишки. Они прибегают на капустное поле, и там их можно ловить, если у тебя окажутся ноги резвее... Какие мимозы, Фатбарда! А какие на них пушистые цветочки! Как крохотные цыплятки. В Тиране, возле входа в Совет Министров, растут два таких дерева. Мимозы в два сбхвата, нена, а ветви сами лезут в руки. Так хочется нарвать там букет, но всегда думаешь: деревьев мало, а нас много. А вдруг тебя захватит сам товарищ Мемет! Разве похвалит?

Тоди гордился своим бывшим командиром Мехметом Шеху и называл его, как и все ал-

Последнюю, неприятную, новость, не на ночь будь она сказана, Тоди обронил как бы невзначай, уже укладываясь на тяжелую войлочную полость рядом с детьми и женой:

— Вчера самолет сбросил диверсантов. Нас предупредили. В селах объявили тревогу.

— То-то я заметила, все шли на рынок с оружием,— сказала Фатбарда.

— Не только с оружием. Если ты заметила, у всех полны патронташи. Каждый сможет вести бой даже в одиночку, пока не подоспеет помощь.

Тоди привстал, дотянулся до винтовки и прислонил ее к стене, поближе к себе. Патронташ положил у подушки. Мать расположилась на ночлег в противоположном углу. Она долго не могла уснуть. Угли из очага светились в начищенном до блеска затворе красными мигающими точками, зловещими, как глаза волка.

Сколько помнила Дюзе, мужчины горных сел никогда не расставались с оружием. Либо хранили его тайно до нужной минуты, либо носили, как Тоди, дулом книзу. Куда бы Тоди ни ехал, обязательно в кабине винтовка. Спрашивала: «Зачем она тебе? Кончилась война». Отвечал без улыбки: «Мешают нам, нена. Никогда не знаешь, где тебя подстережет лихо». В больших городах, как говорили Фатбарда и Тоди, ружья или пистолеты носят только военные и полицейские. В горах, оказывается, оружие необходимо. Самолеты продолжают разбрасывать сверху ядовитое семя.

Сливовый корень постепенно распался на части, гасли огоньки на затворе винтовки, тускнели, серели угли. Дюзе тихонько перевернулась на другой бок и лежала с открытыми глазами, по стариковской привычке перебирая свою жизнь, как бусы четок. Сын спал,

¹ Балли-комбетар — партия буржуазных националистов, сотрудничавших с оккупантами.

обнаженное плечо, белевшее в сумраке комнаты странным расплывчатым пятном.

Кроме Фатбарды, никто из семьи Джахюсы не знал в лицо ее брата. Кто пришел к их бэсе, поднялся к окошку, такому узкому, — через него не протацишь барашка? Кто поднялся к стеклу и пытался заглянуть внутрь жилища?

— Фатбарда, это в самом деле Мустафа? — шепотом, почти не раскрывая губ, спросила Дюзе.

— Не знаю, — ответила невестка, не повернув головы, но будто ожидавшая вопроса, который не явился для нее неожиданностью.

— Разбуди Тоди, — приказала мать, — а сама молчи! Не отвечай ему!..

— Хорошо, — прошелестело в ответ вместе с прерывистым вздохом, тяжелым, как задавленный стон.

Тоди недаром участвовал в партизанских делах. Стоило Фатбарде прикоснуться к нему, он встрепенулся всем телом — и сразу к винтовке. Дюзе не расслышала ни одного слова из тех, которыми обменивались муж и жена. В комнате остро запахло мимозой. Тоди прилип к стене, чтобы пуля не достигла его через окно.

— Что отвечать Мустафе, если он попросит нашей бэсы? — спросил Тоди свою мать, не меняя положения тела.

Мать колебалась всего одну минуту, пока не расслышала повторный, более настойчивый стук. За окном уже не падал снег. Стекло очистилось и осветлело. Вероятно, ушедшие облака открыли луну.

— Ты не знаешь, кто он, — произнесла Дюзе строго, — пусть отойдет от окна и покажется тебе и Фатбарде!

Тоди громко попросил пришьельца поступить так, как советовала мать.

— Хорошо, — согласился голос за окном, — только имей в виду, я прошу твоей бэсы.

Чуткий слух горцев мог свободно различить шум удаляющихся шагов. Тоди подождал, по-

его ровное дыхание знакомо матери с детства. Его волосы всегда пахли нагретой соломой, а может быть, и самим солнцем. Теперь у него большая семья, хотя для албанцев не удивительная. Все стараются иметь детей как можно больше. Головки внуков также пахнут солнцем. Винтовка, прислоненная к стене, должна защищать их будущее.

Дюзе заснула, незаметно перейдя к таким же обыденным снам. Как будто бы мысли не желали потухать и уходило прочь и не хотели превращаться в труху и пепел, подобно корневищу старой, бесплодной сливы.

Ей приснился человек, пробирающийся к их дому, озираясь и крепко сжимая оружие. Человек пока был один, но матери казалось, что это просто обман зрения, а слух улавливает за ним движения десятков, а может быть, сотен ног, осторожно переставляемых след в след по сырому снегу. Следы тянулись от пещеры, от ее узкого черного зева, и опускались в ущелье, и поднимались вверх, к развалинам, где прилепилась их хижина и откуда люди уносят на память священные камни. Человек приблизился к их единственному окну, выходящему во двор крепости, и, постучав в стекло, приложился к нему лбом.

— Откройте, — шептал человек, и нос его плющился в стекло, — я Мустафа! Откройте!.. Фатбарда!.. Открой!..

Дюзе открыла глаза, приподнялась на локте и взглянула прежде всего на окно. Дрожь прошла по ее старому телу. Ей ничего не почудилось: за окном действительно был человек, прожигающий темноту горящими, будто раскаленными глазами, и он шептал зовущим требовательным голосом: «Фатбарда, открой!..»

Мать чувствовала ровное дыхание сына. Он ничего еще не услышал, но Фатбарда проснулась и тоже смотрела в окно. Коса упала на ее полу-

ка шаги затихнут, и распахнул окно легким ударом приклада. Лунный свет, как сноп пшеницы, упал на спящих детей и расцвел узоры ковра из Корчи.

Мустафа стоял на камне, чтобы его лучше опознали, с автоматом наизготовку, расставив ноги в сверкающих кожей крагах, в меховой шапке и такой же теплой куртке. Нетрудно было узнать Мустафу, его гордо закинутую голову и улыбку, скользившую по его настороженному лицу, мертвенно бледному при лунном свете.

— Мустафа... он! — пролепетала Фатбарда и почти свалилась к ногам мужа. — Умоляю тебя, не пускай его в наш дом!.. Не пускай!.. Ради наших детей!.. Не пускай, Тоди!..

— Узнала! — торжествующе прогудел издали Мустафа и пошел прямо к окну, не опуская автомата. — Тоди, ты открой дверь и немного подожди, со мной еще будут люди... Ты только не вздумай стрелять, Тоди. Не грози винтовкой. Я знаю, ты не осмелишься нарушить бэсы!..

Мустафа шел на него, и Тоди заколебался, может быть, впервые в своей жизни. Слово «бэса» обезоруживало его, вынимало из патронов порох, выбрасывало пистоны, превращало затвор в нечто похожее на хвост зарезанного быка, — что силы в нем?

Тогда, слыша приближение шагов, как вест о новой гибели, встала со своего ложа старая мать и, положив руку на плечо рыдающей Фатбарды, сказала с непреклонной строгостью:

— Нет для него бэсы, Тоди! Защищай свой дом!

И Дюзе не закрыла глаз, когда сухо и резко ударил первый винтовочный выстрел. Мустафа что-то кричал, может быть, проклятия, они не имели значения. Для него не существует девиза албанцев: бэса, ндэр, буррни. Если нужно, она сама выйдет к толпе односельчан и расскажет им, почему нарушена бэса, почему в Тиране аплодировали Мрике, почему ей, старухе, дорог нынешний мир с его запахами желтой мимозы, а не тот, откуда прилетел Мустафа, пытавшийся отнять счастье ее детей и внуков.

Село проснулось, село ожило. Свет луны погас при багровом пламени факелов. Горцы ловили, как волков, чужих людей в своей бэсе.

Тирана, 1959 год.

Жизнь ИСКУССТВА

Ввысь, в космос!

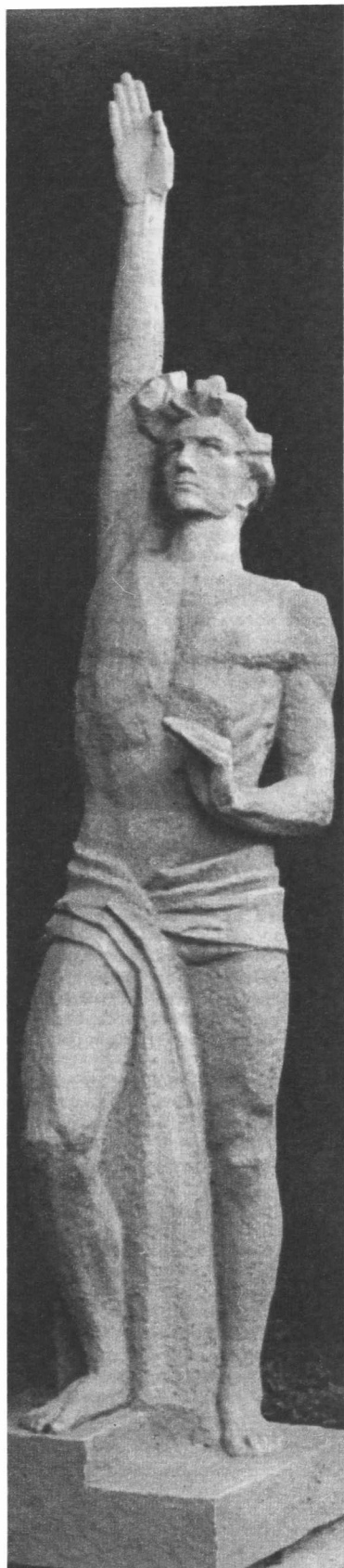
Эта скульптура называется «В космос». Создала ее Гуна Звайгзните — молодая латвийская художница.

Фигура юноши — гиганта с рукой, поднятой ввысь, — выражает волю, силу, духовную и физическую красоту людей, побеждающих стихии, гордых и мужественных.

В своей работе художница стремилась передать самую волнующую идею современности — идею величия Человека, его страстной и дерзкой Мысли.

Г. КАРКЛИНЬ
Фото В. Лаврентьева.

Рига.

Афиши извещают о спектаклях ГАБТ.

Галина Уланова в Китае

В Китайской Народной Республике прошли с большим успехом гастроли артистов балета и оркестра Большого театра. Китайские зрители познакомились со спектаклями «Лебединое озеро», «Жизель», «Каменный цветок», «Тропой грома», «Шопениана» и большой концертной программой.

— В КНР я побывала второй раз, — рассказала корреспонденту «Огонька» народная артистка СССР Галина Уланова. — Тогда, в 1952 году, китайский народ только еще начинал строить новую жизнь. Помню, каким неустроенным был аэродром. Сейчас я не узнала ни аэродрома, ни дороги к Пекину, ни прежней гостиницы. Пекин стал красивейшим городом, с массой зеленых, новыми замечательными зданиями, выстроенными просто в сказочные сроки.

Тяга к знаниям, культуре, искусству у китайцев огромна. В институтах учится колоссальное количество молодежи. За десять лет выстроено множество школ, театров, кинотеатров, дворцов культуры, создано большое число профессиональных творческих коллективов, ансамблей.

Я была на спектакле в одном театре. В зале сидели представи-

тели различных национальностей Китая, и в помощь зрителям рядом со сценой на экране давался пояснительный текст действия. Снажу честно, в этот вечер я больше смотрела на зрителей, чем на сцену, — смотрела на этих удивительных людей. Они приехали на спектакль за тысячи километров, чтобы приобщиться к искусству. Появился в республике и свой первый балетный театр. Китайцы с удивительной настойчивостью в короткие сроки осваивают классическую хореографию. Мы видели очень интересные постановки балетов «Лебединое озеро» и «Юрсар». Мне понравился и спектакль «Лотос» в театре экспериментальной танцевальной драмы. Китайские артисты поставили эту сказку, сочетая принципы народного танца и классического балета. Играют и танцуют они очень хорошо. Движения — особенно у мужчин — мягкие, плавные, тонко имитирующие движения животных. А танец девушки с шарфом был просто очарователен! Костюмы сделаны красочно, с большим вкусом...

Наши гастроли проходили в обстановке исключительной дружбы и внимания. К нам, советским людям, китайцы относятся как к своим братьям.

ФИЛЬМ СНИМАЮТ РАБОЧИЕ

В Баку началась съемка нового документального фильма «Это дал нам Октябрь».

Картину делает творческий коллектив рабочей киностудии, недавно созданной при Дворце культуры имени 1 Мая в поселке Забрат, где живут нефтяники.

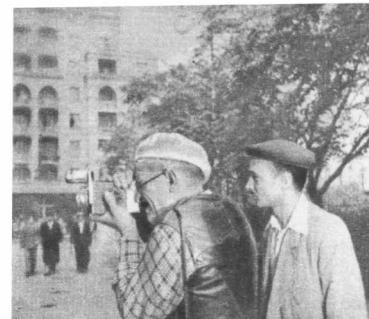
Съемочной группой руководит общественный директор студии старший монтер 5-го нефтепромысла Ленинского района Владимир Юрфельд. Его помощники — операторы студии — Агасаф Ашумов, токарь завода металлоизделий, и слесарь завода «Красный пролетарий» Владимир Чистохвалов. Звукооператор нового фильма — Николай Ротань, слесарь конторы морской геофизической разведки.

Сценарий картины — тоже результат коллективного творчества рабочих и инженеров.

Новый фильм сначала расскажет зрителям о дореволюционном Баку, а затем познакомит их с новым чудесным городом — столицей Азербайджана.

Б. МАРТИРОСОВ

Баку.

В. Юрфельд и А. Ашумов на съемке.

Фото С. Кулишова.

Вечерняя художественная студия

Занятия в мастерской рисунка. За первым мольбертом слесарь А. Зибаровский.

Если вам случится поздно по рою идти по проспекту имени Ленина в городе Комсомольске-на-Амуре, ваше внимание обязательно привлекут два больших, ярко освещенных окна нового дома. Здесь находится вечерняя художественная студия.

В двух небольших классах, сте-

ны которых увешаны рисунками, занимаются студийцы. Это инженеры и педагоги, техники и экономисты, много рабочих.

Недавно в городском клубе строителей была организована первая выставка работ студийцев.

Д. УХТОМСКИЙ
Комсомольск-на-Амуре.

ИСКУСНАЯ ЧЕКАНЩИЦА

Я работаю в Улан-Удэ на Судостроительном заводе. Во время отпуска побывал в улусе, где родился. Здесь я и сфотографировал свою односельчанку — Долгор Логинову, мастерицу-чеканщицу. Она член колхоза «Коммунизм», Знаменского аймака. Ее отец был одним из лучших чеканщиков улуса Санага.

С малых лет Долгор присматривалась к тому, как отец наносил на серебряные изделия ажурную чеканку, как выходили из его рук чудесные украшения с бурятским национальным орнаментом. А потом Долгор сама стала изготавливать изящные браслеты, серьги, кольца.

Улан-Удэ.

Д. БАЛДОНОВ

Чеканщица Долгор Логинова.

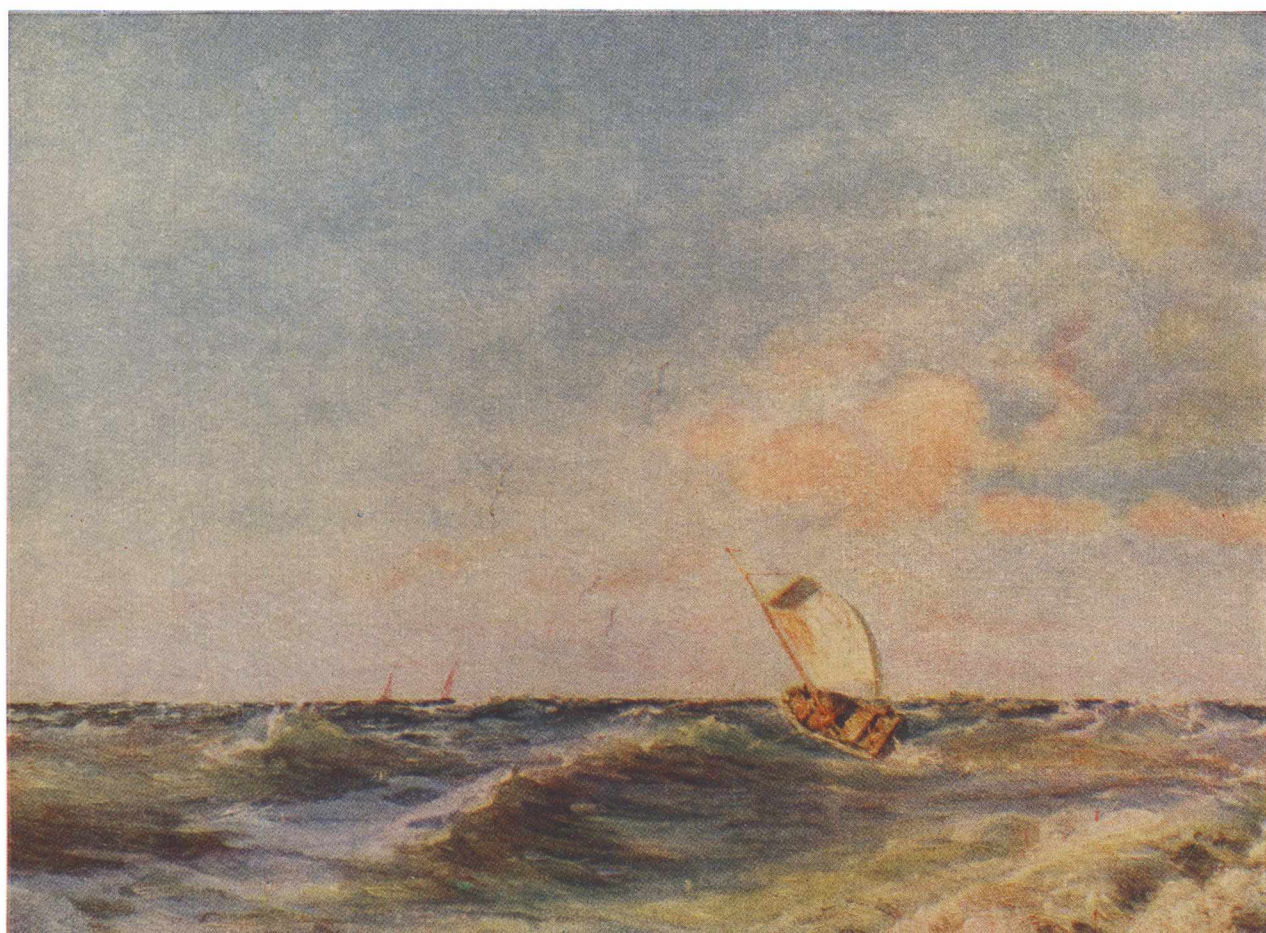

Н. Н. Дубовской. ПРИТЯКЛО. 1890.

Н. Н. Дубовской. СЕНОКОС.

МОРЕ.

ОТ КРАЯ ДО КРАЯ

Вот это металл!

Чего только не привозят в Бикинскую контору по заготовке вторичного сырья, каких чудес тут не насмотришься! Но когда плотник Г. Л. Кораблев освободил из груды металла небольшой топорик, то и он, бывалый человек, присвистнул от изумления. На широком лезвии под небольшим клеймом с изображением якоря явственно обозначалась редкостная дата — 1718. Первые цифры были вдавлены глубоко и крупно, а восьмерка осталась незаконченной, словно тот, кто трудился над ней, имел дело уже с остывшим металлом.

Как попал на Дальний Восток топор петровских времен? Первые ли русские, пришедшие на Амур, занесли его с собой сюда откуда-нибудь из-под Новгорода? Будь Георгий Львович Кораблев историком, обязательно бы дознался обо всем. Но, будучи плотником, он стал оценивать его просто как рабочий инструмент. И еще раз удивился: металл был на редкость крепким, и ни одно пятнышко ржавчины не портило его слегка шершавую поверхность. Кораблев попробовал поработать — топор с легкостью брал любую древесину.

— Ну, так пусть еще послужит! — решил Георгий Львович, и с тех пор он работает только этим старинным топором, с уважением думая о мастерах-умельцах, сделавших его. Из Бикина Кораблев приехал в Хабаровск на одну из строен. И здесь он неразлучен со своей находкой.

Л. МАЛИНОВЦЕВА

На снимке: Г. Л. Кораблев (в центре) показывает товарищам топор 1718 года.

Фото Н. Шкулина.

Плодотворное содружество

Кадр из фильма «Албания, цветы!».

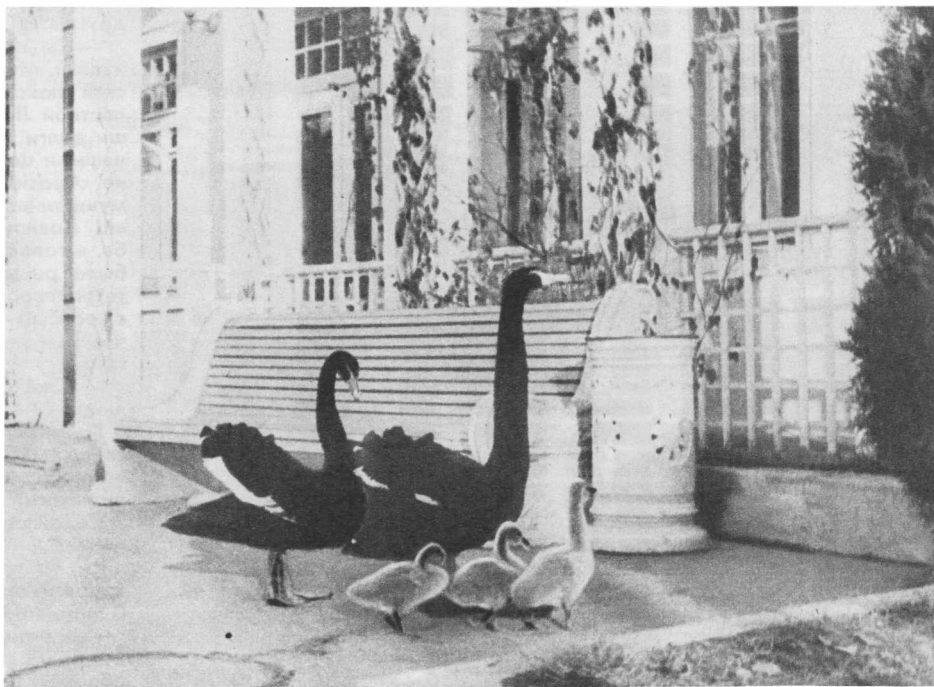
Много нового создано за 15 лет в освобожденной Албании. К новому надо отнести и кинематограф.

В 1948 году, когда режиссер советской Центральной студии документальных фильмов Илья Копалин впервые приехал в страну для съемок хроникального фильма «Новая Албания», здесь еще не было кинематографии. Вскоре в Москву на киностудию приехали учиться шесть албанских юношей. Через несколько лет И. Копалин вновь снимал фильм о полюбившейся ему стране. В создании цветного фильма «Албания» теперь принимали участие уже и работники албанского кино.

И вот сейчас на экранах Албании и Советского Союза демонстрируется еще один фильм, выпущенный в содружестве кинематографистами двух стран: «Албания, цветы!». Его создавала в основном та же съемочная группа. Это советский режиссер И. Копалин и албанцы Лазар Силичи, Эндрю Кеко, Яни Нано и другие.

Советским зрителям знакомы многие герои фильма: и Героя Социалистического Труда Сали Вату, начальника сектора строительства гидростанции на Быстрице, и бригадира, проходчика Шабана Джему мы встречали в предыдущем фильме.

И. СЕМЕНОВА

Австралийские черные лебеди и их детеныши, родившиеся в Москве.

Фото А. Ергунова.

ОСТАНКИНО — ИХ ВТОРАЯ РОДИНА

Когда в Москве наступала осень, в Австралии началась весна. Следуя необычному для москвичей календарю, на одном из водоемов Выставки достижений народного хозяйства СССР появились на свет три австралийских лебеденка. Три смешных пушистых комочка заковыляли вокруг черных красавцев-родителей.

Пока самка тридцать суток сидела на гнезде в зеленом домике посреди водоема, лебедь-самец неустанно охранял ее покой. Он ни на шаг не подпускал к домику двух белых лебедей, бороздивших воду вокруг. И вот с появлением потомства грозный страж покоя семьи что-то нежно затрубил своим малышам.

Стояла уже поздняя осень, и оставлять лебедят в водоеме было опасно. Работники павильона «Птицеводство» решили поместить их в ветеринарную поликлинику. Это стоило большого труда. Лебеди-родители не хотели отдавать птенцов, били людей крыльями, больно щипали клювами, трубили тревогу, высоко вскидывая красивые головы.

Но тревога оказалась напрасной. В поликлинику малышей поместили вместе с родителями. В большой палате им поставили лодку и наполнили ее водой, чтобы лебеди могли плавать.

Интересно наблюдать в эти дни за лебединым семейством. Круглые сутки лебеди-родители сторожат своих детенышей. Хотя и привыкли они к птичнице Анне Леонтьевне Ермаковой, но и ее появление каждый раз встречают сердитым шипением и грозными трубными звуками.

Ветеринарные врачи вначале кормили лебедят смесью яичного желтка, молока и рыбьего жира с помощью шприца и резиновой трубки. Потом, когда лебедята научились есть сами, стали потчевать их кашей, творогом и минеральными кормами.

Сейчас лебедята едят охотно все, что им предлагают. Поедят — и в лодку, полную свежей воды. Плавают, ныряют, торчат родители за хвосты. Малыши еще не очень красивы: пух у них серый, как у гусят, и клювы пока не красные, с белым ободком, как у родителей. Но шеи уже тонкие, гибкие, и вся осанка, когда они плывут, лебединая.

— Солнца им маловато, — говорит ветеринарный врач Иван Федорович Ефремов, — но мы заменяем его кварцевым облучением.

М. МАКАРОВ

ЮНЫЕ МАСТЕРА ХЛОПКА

Халима Аскарлова, которую вы видите на снимке, учится в последнем классе средней школы имени Луначарского в Папском районе, Наманганской области.

В прошлом году школа получила опытный участок земли в 78 гектаров в колхозе имени Сталина. Ученическую бригаду полевых возглавил преподаватель школы Камил Умарзаде.

Прошлой осенью трантористы вспахали землю ученической бригады, а ранней весной ученики, применив новые сеялки, посеяли хлопчатник. Все лето они старательно ухаживали за растениями и вырастили высокий урожай хлопка — по 34 центнера с гектара. Школьная бригада первой не только в районе, но и в области выполнила годовой план по продаже хлопка государству — 256,5 тонны вместо 232 по заданию.

В этом году комсомольцы и пионеры стремятся снять с участка 300 тонн хлопка. Они знают, что из этого количества хлопка будет изготовлено 2160 тысяч метров тканей для 720 тысяч платьев, а также несколько миллионов катушек ниток, хлопковое масло, жмых, мыло и другие ценные товары.

На кусте хлопчатника, который запечатлен на снимке, — 71 коробочка. Если считать, что каждая коробочка в среднем весит 5 граммов, то на кусте 355 граммов хлопка.

Санджар ТИЛЛЯЕВ,
редактор газеты «Наманган Хакыкаты»

Звеньевая хлопководческого звена Халима Аскарлова на школьном опытном участке.

Фото М. Гарипова.

УТРО ТИБЕТА

Михаил ДОМОГАЦКИХ

Утро Тибета начинается в горах. Солнце, еще невидимое людям, уже освещает горные вершины, покрытые снегом, заливая их расплавленным золотом, сгущая сумерки в ущельях и долинах. Подожженные снизу облака светлеют, наливаются красками, из темных становятся прозрачными, из бесформенных пятен превращаются в кучерявые, напоминающие кипы овечьей шерсти, которой так богат Тибет.

...Сквозь густую зелень проглядывают изогнутые крыши особняка, обнесенного высокой стеной. Резная арка ворот ведет в глубину двора. Толстые каменные плиты, подогнанные одна к другой умелыми руками каменотесов; яркие краски деревянных колонн; цветные полотнища, закрывающие окна от палящего горного солнца; просторные галереи второго этажа с раскрашенными перекладинами — все здесь осталось таким, как было несколько месяцев назад. И только глядя на огромную, бурлящую гневом массу народа, заполнившего просторный двор особняка, ощущаешь всю глубину происшедших перемен.

Перед народом стоит, согнувшись в глубоком поклоне, человек средних лет. Он стоит, упираясь ладонями в колени, не смея поднять глаз, чтобы не встретиться с взглядами сидящих перед ним людей.

Лару — один из крупнейших крепостников и рабовладельцев Тибета, бывший министр кашага, реакционного тибетского правительства. На его совести сотни убитых и замученных людей, в том числе виднейшие патриоты Тибета, живые будды Жэчжэн и Гэда, выступавшие за единство Тибета и Китая. Во время антинародного, контрреволюционного мятежа, поднятого в марте нынешнего года, Лару был главнокомандующим мятежными войсками в Лхасе. После подавления мятежа он был захвачен в плен в одном из своих двухсот пятидесяти особняков.

И вот он стоит перед судом народа. Рабы и крепостные Лару — их у него было свыше 10 тысяч человек — ведут счет его преступлениям, точно так, как делают

это в сотнях тибетских деревень другие крепостные и рабы, предъявляющие счет крепостникам — участникам мятежа.

За столом — члены комитета «саньфань». Старик с редкой всклокоченной бородкой и тяжелой серьгой в левом ухе, оттянутом до самого плеча; женщина в заплатанном халате и неопределенного цвета переднике; молодой парень с красным значком на груди; закутанный в засаленную мантию лама с коричневыми четками на запястье...

Откуда-то из задних рядов людей пробирается пожилой человек. Он низко кланяется членам «саньфань», всем остальным людям и начинает свою речь.

— Помнишь ли ты, Лару, как слуга твой оболгал меня и ты наложил на меня 56 пин серебра? Ты знал, что мне не уплатить таких денег. Ты бросил меня в тюрьму. Вон она, эта тюрьма, — показывает он в дальний угол двора, где стоит сложное из каменных глыб сооружение с узким дверным проемом. — Пойдем, я покажу тебе скелеты людей, которых ты замучил, Лару!

Во дворе нарастает грозный гул голосов.

— Нет прощения проклятому!

— Ты убил моего брата, Лару! — вскакивает с места бывший раб Танладова. — Ты помнишь это, Лару?..

И снова страшный рассказ о том, как Лару послал его брата в каменоломню, где тот умер от изнурения и непосильного труда.

— Ты отнимал детей от родителей, Лару, и продавал их таким, как ты. Ты разлучал супругов, отдавал их разным хозяевам! — говорит третий обвинитель, Сонанчонэ. — Ты не считал нас людьми. Нагни, ниже нагни голову, Лару!.. Ты убил мою мать, а она ни в чем не была виновата. Люди! — кричит Сонанчонэ, вытирая полую халата слезы. — Кого из вас не терзал Лару, встаньте!

На секунду людская масса словно окаменела. Ни один человек не тронулся с места. И тут же крики взорвались с такой силой, что заколыхался натянутый над головами тент.

— Конец рабству, конец крепостничеству! Судить преступника Лару! Нет пощады мятежникам!

Один обвинитель сменяется другим.

— Ты накладывал на нас такие налоги, что их не выплатить и десяти поколениям, — говорит крепостной Лаба. — Ты записывал наши долги в книги. Эти книги были нашими цепями, и мы никогда бы не сбросили их, если бы не коммунистическая партия. Спасибо ей! Товарищи! — произносит Лаба, и голос его теплеет. Это слово было раньше запретным в Тибете, и теперь люди произносят его с особым чувством. — Товарищи, что нам делать с долговыми книгами?

— Сжечь! Все сжечь! — кричат люди.

По знаку, поданному председателем митинга, четверо мужчин выносят из дома Лару большой, окованный железом сундук.

Седой старик, нацепив очки, начинает читать вслух долговые записи. То один, то другой в толпе вздрагивает, услышав свое имя. С еще не растаявшим страхом в глазах слушают они председателя, будто боясь, что все внезапно обернется по-старому и Лару вновь предстанет перед ними таким же страшным, каким он был всего несколько месяцев назад. Но нет! Стоит, склонив голову перед народом, Лару. В тишине слышно лишь монотонное чтение да прерывистое дыхание сотен людей.

Раскрытый сундук набит долговыми расписками. Несколько человек вытаскивают их охапками и, развернув туго скрученные листы, бросают на землю. Листы написаны черной тушью, и на каждом внизу красная печать, словно капля крови того, о ком говорил казначейский документ. Ветерок залетает во двор сквозь распахнутые ворота, листы шевелятся, и красные печати еще больше напоминают запекшуюся кровь.

Сундук опорожнен. Тяжело опираясь на костыль, к большой куче листов подходит парень. Он

Жчасипанцо, в прошлом крепостной, теперь владеет своей землей. Он устанавливает на своем поле табличку, где написано его имя.

три года проработал с полупудовыми кандалами на ногах. Кто-то подает ему зажженный факел. Груда расписок чадит, долго не разгораясь, но парень шевелит ее костылем, и она вдруг вспыхивает жарким пламенем.

Гул ликования вырывается из сотен грудей. Несколько минут кажется, будто река прорвала плотину и хлынула на поля.

— Долой проклятое рабство и крепостничество!

Огонь разгорался. Ветер уже разносил по двору черные хлопья сгоревшей бумаги. В очистительном пламени сгорало чудовищное прошлое.

* * *

С рабом по имени Цзюмбэй я встретился в деревне Яндасян в нескольких десятках километров от Лхасы. Оголенное до пояса тело пересекались темные полосы зарубцевавшихся ран. Цзюмбэй, как и все его предки, был рабом монастыря Дрепунг, одного из крупнейших в Тибете. За всю свою жизнь он не держал в руках ни одной собственной монеты, ибо ланшен — так называют в Тибете рабов — не считался человеком. У него не было никаких прав, кроме одного: работать день и ночь на хозяина, получая за это лишь скудную пищу. Он не мог иметь даже самого скромного жилья и спал в стойле для скота. Вся его собственность состояла из одежды, еле прикрывающей тело, да бронзовой серьги, вставленной в ухо через год после рождения.

Цзюмбэй рассказывает о своей жизни, и сигарета, которой мы угостили его, дрожит в его руках. Сорок восемь лет жизни раба! Двенадцатилетним мальчиком он получил двести пятьдесят ударов кнутом за то, что недогадал, как огромные желтые орлы утащили двух ягнят из стада, которое он пас. Потом вся жизнь была сплошным ощущением страха и боли, и ни минуты не знал он покоя и радости.

Все, что Цзюмбэй рассказывал, кажется ожившим кошма-

«Помнишь ли ты, Лару?..»

ром. Но кругом стояли и сидели люди, они кивали головами, подтверждая рассказ односельчанина. Все они были такими или почти такими, как он, потому что низший класс, — крепостные, — луйцюны и цайба, имели ненамного больше прав, чем рабы.

По очереди, иногда перебивая друг друга, они рассказывают о своих горестях. И только когда мы задаем вопрос о том, что же произошло в их жизни после подавления мятежа, их лица оживают и губы раздвигаются в улыбке.

— Цзюмбэй, — говорит кто-то из крестьян, обращаясь к бывшему рабу, — покажи, как мы живем теперь, как живешь ты.

Убирают урожай со своей земли.

Цзюмбэй ведет нас в большой, огороженный высокой стеной дом; по узким, поскрипывающим деревянным лесенкам мы поднимаемся вверх. Этот дом принадлежал раньше богатому дво-

рянину, принимавшему участие в мятеже. На плоскую крышу дома навстречу нам выбегают десятка три ребят. Это школьники. Первые школьники деревни, месяц назад впервые узнавшие буквы тибетского алфавита. Рядом с классной комнатой разместился крестьянский союз, выполняющий функции органа местной власти. Мы входим в небольшую комнату, где живет сам Цзюмбэй. Справа — небольшой алтарь с изображением будды, ковровые диванчики. На противоположной от алтаря стене не очень скромные картины-литографии, выпущенные в Японии. Цзюмбэй ничего не менял в этом жилище. Он еще до сих пор с опаской садится на диванчик: ведь на нем сидел когда-то его господин. Но в глазах у него радость человека, впервые получившего кров над головой.

Мы ходим из дома в дом. Бывшие рабы, у которых не было своего жилья, разместились в хозяйских постройках.

Бывший крепостной Гага, ставший теперь председателем крестьянского союза в Яндасяне, говорит нам в обычной цветистой манере тибетской речи:

— Раньше мы встречали восход солнца на полях крепостников. И это солнце не радовало нас. Оно светило хозяину и посылало жизнь на его землю. Нас оно жгло в знойные дни и не приносило счастья. Теперь новое солнце взошло над Тибетом. Оно ласкает нас, как родная мать, и наливает соком зерна цинко, что растет на нашей земле...

«Судить его! Долой крепостников!»

* * *

За восемь лет, прошедших после подписания соглашения о мирном освобождении Тибета, Центральное народное правительство Китая всеми силами стремилось помочь трудящимся тибетцам. Оно оказывало району большую материальную помощь, снабжало крестьян сельскохозяйственными орудиями и семенами, построило в Тибете три больницы, пять уездных поликлиник, шесть медицинских пунктов. Более восьми тысяч юношей и девушек обучались в различных институтах национальных меньшинств, и почти пять тысяч из них уже вернулись и участвуют в большой работе по преобразованию Тибета.

Коммунистическая партия проводила в Тибете, как и в других национальных районах, политику мирного соглашения. Но местное тибетское правительство, дворяне и монастыри не хотели никаких соглашений о демократизации Тибета. Самым ярким сопротивлением шестую новую жизни явился мятеж, поднятый реакцией в марте нынешнего года. Народные массы — крестьяне, скотоводы, ремесленники — сразу стали на сторону Народно-освободительной армии и помогли ликвидировать бунт реакции.

Рухнул строй, который, как осколок незапамятных времен, сохранился в Тибете.

После многовековой ночи начинается утро Тибета.

Zaneramusel

мгновения

Фото И. ТУНКЕЛЯ
и В. ТЮККЕЛЯ.

Лед глянцеви́то гладок, как лист кальки, туго натянутый на доске. На нем еще ничего не начерчено.

На лед ступает стройная

девушка. Взмах руками, толчок — и гладь ледяного поля начинает покрываться рисунками. Здесь нет углов, здесь все плавно, округло. Вот восьмерка, волнистая змейка, а вот нечто напоминающее скрипичный ключ.

Движения спортсменки так пластичны, в них столько грации и чувства ритма,

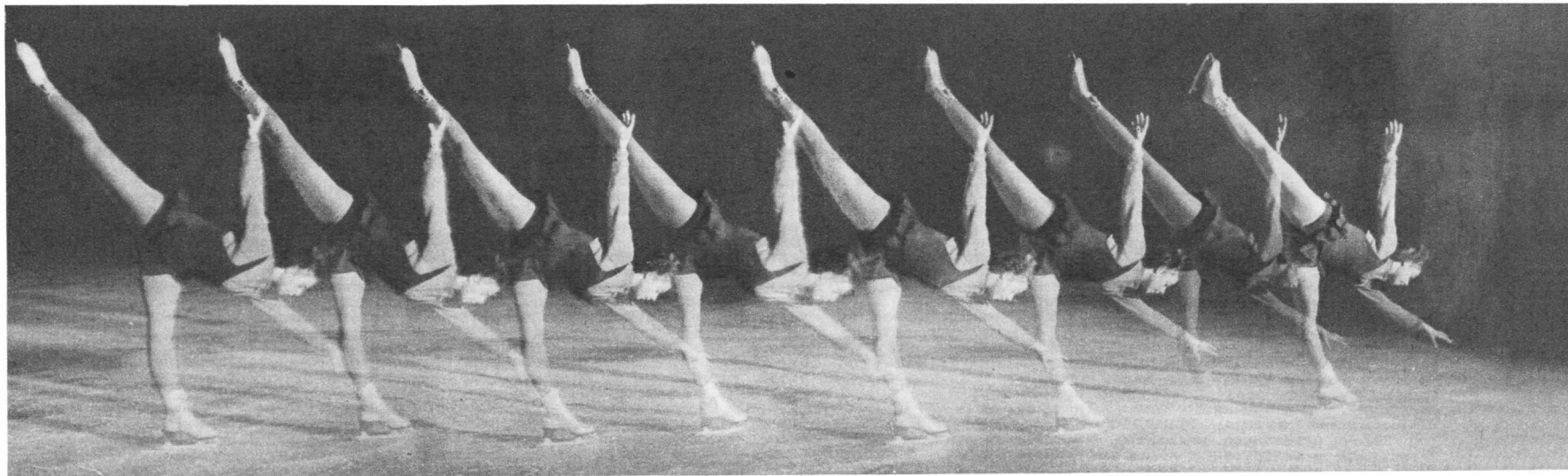
что невольно приходит сравнение с музыкой...

Уверенно «вяжет» сложный узор Ирина Люлякова. Вот плавный разбег. Толчок левой ногой. Прыжок по отлогой дуге. В воздухе Ирина делает разворот и, мягко опустившись на правую ногу, четкой полосой на льду продолжает линию своего полета.

Тренер внимательно следит за фигуристкой, как знаток, специалист, а нам просто хочется запечатлеть на пленку красоту ее движений. И вот в зале гасят свет. Открываем затвор аппарата и просим Ирину повторить упражнение. Одна за другой следуют частые вспышки импульсной лампы, выхватывая из темноты

спортсменку. В результате на одном кадре получилось не одиночное изображение, а целая серия движений, дающих представление о красоте полета.

Тем же приемом мы сняли других спортсменов — Людмилу Белоусову с Олегом Протопоповым в парном катании и Таню Немцову.

В машине «Скорой помощи».

Фото Н. Ананьева.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ «СКОРАЯ»

К очереди, которая тянулась к телефонной будке, подбежал взволнованный мальчик и быстро заговорил, указывая рукой в направлении автобусной остановки. Девушка, занимавшая телефон, раньше других поняла, в чем дело.

— Я разбегаясь с тобой на минутку! — крикнула она в трубку. — Тут несчастье с человеком, надо срочно вызвать «Скорую».

Затрещали автоматические шушальца АТС. Где-то на другом конце провода сказали: «Встречайте!»

Люди в белых халатах быстро сели в стоящую наготове машину. Регулировщики уличного движения, заслышав сирену «Скорой помощи», открыли по всем проспектам «зеленую улицу». Мягко скрипнули тор-

моза, и на шестой минуте после вызова над пострадавшим склонился врач.

Давайте подойдем поближе к машине, заглянем в ее кузов. Это не старая «карета скорой помощи»: это машина медицинской службы, технически современно оснащенная. Врач «Скорой» теперь уже не только оказывает помощь пострадавшему, но и начинает лечение больного на месте. Машину сопровождает не фельдшер или санитар, как прежде, а врач с помощниками-фельдшерами. Они связаны по радио с центральной станцией. В кузове — аппараты для искусственного дыхания, материалы и инструменты для анестезии, новокаиновой блокады, антибиотиков и новейшие фармако-

логические средства, как, например, нейролептические вещества, применяемые для борьбы с шоком. Девушку сбита грузовая автомашина: закрытый перелом левого бедра, сотрясение мозга, травматический шок. Нейролептическая смесь, введенная врачом на месте происшествия, быстро улучшила состояние больной. Десятиминутный путь до клиники, пребывание в рентгеновском кабинете и в операционной пострадавшая провела во сне. А проснулась, когда все наиболее опасное и тяжелое осталось уже позади.

Но бывают происшествия и более серьезные. Человек упал со строительных лесов, его поразило элентрическим током. Жизнь, как говорится, «висела на волоске».

Терминальное — крайнее близкое к смерти — состояние, в котором находятся пострадавшие, длится считанные минуты. На дороге в клинику не остается времени. Реальная помощь возможна только на месте.

Для таких особо тяжелых случаев ленинградцы создали своеобразную операционную на колесах. Ее обслуживают высококвалифицированные хирурги.

Внезапная смерть нередко подкрадывается к человеку и без предварительного уведомления. Кому не известны инсульт, инфаркт, острое расстройство мозгового кровообращения? Такого рода больных, требующих немедленной помощи, порой нельзя перевезти.

И на эти случаи у ленинградцев имеются специальные машины «Скорой». Их обслуживают бригады опытных врачей-терапевтов. В таких машинах своя, особая техника: аппаратура для измерения кровяного давления, электрокардиографы, клинические приборы для анализа крови, быстродействующие сердечные средства.

Главный врач ленинградской «Скорой» Василий Никифорович Голяков говорит: — Все новое, что внедряется в практику ленинградской «Скорой», создано общими усилиями медиков, рабочих и ученых Ленинграда во имя великой любви и заботы о благополучии советского человека.

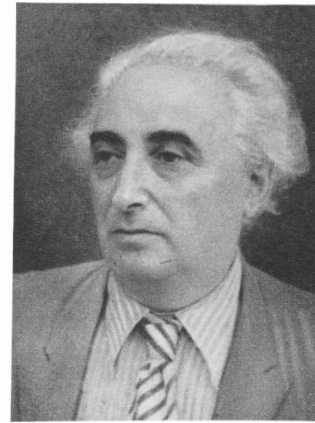
А. КРУПИН.

Юрий Либединский

Скончался Юрий Николаевич Либединский...

Седой, невысокого роста, он часто появлялся на литературных дискуссиях и обсуждениях; ему было уже под шестьдесят, но он потечески заинтересованно читал рукопись начинающего автора, готовил к печати книги своих балкарских, карачаевских, кабардинских друзей. Его часто отрывали от работы над книгами, но он не мог отказаться от выступления в газете или в журнале. Он хорошо чувствовал величие советской эпохи. «Канними словами рассказать мне о нас, о нашей жизни и нашей борьбе!» — так начал Юрий Либединский свою повесть «Неделя», без которой, равно как и без «Комиссаров», невозможно представить советскую литературу двадцатых годов. Писатель нашел умные, точные слова, чтобы рассказать о нашем времени, о большой дружбе народов России. Романы «Горы и люди», «Утро Советов» рассказывают об этой дружбе, окрепшей в борьбе за свободу.

Много сделал Юрий Николаевич Либединский для советской литературы. Он был первым редактором Александра Фадеева, Юрия Крымова, Бориса Горбатова. Можно назвать немало ли-

тераторов, которым Либединский в самом начале их пути сказал теплое, ободряющее слово и помог выйти на широкую дорогу творчества. Уже одного этого было бы достаточно, чтобы имя Юрия Либединского, одного из зачинателей и организаторов нашей литературы, произносить с любовью и уважением. Его книги остались среди нас и продолжают радовать и воспитывать, помогают бороться за дело революции, которому писатель отдал все силы.

После взрыва «Огонька»

«В поисках термометра»

Почему приходится подолгу искать термометр? Как добиться, чтобы его легко было купить везде и в любой день? Об этом говорилось в репортаже, напечатанном в № 35 «Огонька».

Читатели в многочисленных письмах поддержали наше выступление.

Откликнулся и ряд организаций. Как сообщил заместитель начальника «Главмособлстройа» Д. М. Веселнов, тресту «Клинстрой» дано указание: ускорить выполнение задания по Клинскому термометровому заводу. Принимаются все меры к тому, чтобы проект расширения этого завода был готов в срок, — так заверил редакцию директор ленинградского института «Гипроприбор» Д. П. Грачев.

Подробное письмо прислал председатель Мособлсовнархоза К. И. Брехов. В 1960 году Клинский завод изготовит 11,3 миллиона медицинских термометров — на миллион с лишним больше, чем в нынешнем году. Завод будет реконструирован. Уже начат широкий комплекс работ по механизации и автоматизации производства. Что это даст? Вручную будут выполняться только двадцать процентов технологических операций, резко снизится брак, коренным образом улучшатся условия труда. Ежегодный выпуск медицинских термометров достигнет 18 миллионов. Кроме того, в семилетке намечено построить новый термометровый завод.

«Большой интерес», — говорится в письме председателя Мособлсовнархоза, — представляет поднятый в журнале вопрос об изготовлении небыющихся термометров из пластмассы и о замене ртути другой термометрической жидкостью». В связи с этим Управление электротехнической промышленности и приборостроения Мособлсовнархоза обратилось в Институт пластических масс с просьбой включить в план 1960 года исследования, необходимые для создания небыющихся термометров. Управление вновь попросило Институт органической химии Академии наук СССР взять на себя разработку термометрического состава, заменяющего ртуть (ранее институт от выполнения этой просьбы отказывался).

В письме председателя Мособлсовнархоза выражается благодарность за опубликование репортажа, который «может оказать положительное влияние на организации, призванные помочь в решении технических проблем термометрового производства».

Остается пожелать, чтобы эти организации дружно взялись за дело.

«Из подвалов на площади»

«Рассмотрев корреспонденцию кандидата искусствоведческих наук А. Будникова «Из подвалов на площади», опубликованную в № 28 «Огонька» за 1959 год, сообщаем следующее.

Министерство культуры УССР сейчас пересматривает фонды художественных музеев республики для выявления произведений, которые не экспонируются, с тем, чтобы показать их народу.

Упомянутые в статье низкокачественные скульптуры пионеров, которые были установлены в Киеве возле одного из зданий на улице Репина, уже сняты.

Заместитель министра культуры Украинской ССР И. ЧАБАНЕНКО».

И Виктор надеется найти родных

Анатолий Кучер-Незнамов (слева) и Виктор Буян.

На этой фотографии — двое юношей, два друга, жизненный путь которых определила Отечественная война. Они не родственники, но их судьбы одинаковы...

Это случилось восемнадцать лет назад, на третий день после нападения гитлеровцев на нашу Родину. Со стороны Барановичей и Минска двигался поезд с семьями военнослужащих. Здесь была и семья Тимофея Афанасьевича Кучера, офицера-артиллериста 301-го отдельного дивизиона ПВО. На затерянном в белорусских лесах полустанке Липа поезд обстреляли и подожгли фашистские летчики. Погибли жена Тимофея Афа-

насьевича и его младший сын. А тяжело раненного старшего сына, Анатолия, подобрала местная жительница и поместила его в больницу.

Когда четырехлетний Анатолий вылечился, его собирались отправить в Германию, но медицинская сестра Ариадна Николаевна Шимановская спасла мальчика, взяла его к себе. Здесь, в семье чуткой и отзывчивой женщины, и жил Анатолий, которому дали фамилию Незнамов.

Около того же эшелона на полустанке Липа был найден и другой раненый мальчик — двухлетний малыш, назвавший себя Аликом. Ничего больше он сообщить о себе, естественно, не мог.

В дальнейшем он рос и воспитывался в семье, где ему дали имя и фамилию — Виктор Буян.

Прошло более полутора десятка лет. И вот уже во время службы в Советской Армии Анатолий Незнамов обратился в газету «Красная звезда» с просьбой найти отца. Много советских людей отозвалось на призыв юноши: каждый, кто знал что-либо о трагическом эпизоде на станции Липа, старался помочь Анатолию.

Тимофей Афанасьевич Кучер оказался жив и здоров. И вскоре состоялась долгожданная встреча отца с сыном. Разделить радость Анатолия приехал его сверстник Виктор Буян.

Радуясь счастью друга, нашедшего отца, он надеется, что, может быть, также удастся найти и его семью. Живет Виктор в Гордее, работает в портняжном цехе городской фабрики Несвижского бытового комбината.

А. КЛЕВКО

г. Несвиж.

Иван РЯБОКЛЯЧ

Рисунки Е. Ведерникова.

Выслушав мой правдивый рассказ, вы, может статься, скажете, что не они, мои прекрасные соседи, а именно я во всем виноват. Что ж, в таком случае прошу прощения, нам не о чем говорить...

Ну, да ладно. Расскажу все, от доски до доски, и вы сами увидите, как оно случилось.

Думаю, и вы согласитесь: сосед — большая ценность, клад! Спутник всей нашей домашней жизни. Я ужасно не люблю ссориться с соседями и никогда первым не скажу им дурного слова. Я — за мирное сосуществование. И за невмешательство. Жить рядом со мной для соседей — одно сплошное удовольствие. Но мне самому страшно не везет на соседей. Можете даже не сомневаться: таких соседей, как у меня, нет больше ни у кого во всем нашем городе. И хорошо, что нет. Разве это люди? Это не люди, а, прошу прощения, изверги! Дай таким вцепиться в палец — всю руку оторвут! С корнем! Вот и приходится, хочешь или не хочешь, чуть ли не ежедневно ссориться... то есть отстаивать свои, как говорится, законные права. Повторяю: отстаивать! Не нападать, а отстаивать! Разве можно смириться и сложить руки, когда посягают и посягают? Нельзя! Ни в коем случае нельзя! И я не мирюсь. И никогда не смирюсь!

До последнего времени, точнее, до сегодняшнего дня, я жил вот здесь, в этом многоквартирном доме, вон в тех комнатах, что окнами к солнцу. Ну, дом, сами видите, так себе, ничего особенного. И квартира так себе: две комнаты — восемнадцать и двадцать четыре метра. Прихожая. Кухня. Кухня, как водится, общая. Вода, ванная, электросчетчик и все такое — тоже общее. Не люкс, что и говорить. Но куда ты денешься? Должен мириться. У меня, к слову, семья небольшая: Лапацкий Вадим Вадимович, глава семьи, то есть я; Раечка, то есть Раиса Марковна, половина моя, и Вова, наш мальчик девятнадцати лет.

У соседей одна комната — шестнадцать метров и тридцать два сантиметра. И семья большая. Ну, да кто виноват? Я? И, кроме того, они все время менялись, жили здесь будто временные. Сначала был какой-то Иванченко, механик или слесарь, я даже точно не знаю. Двое детей, бабушка, их двое. Весело! Не квартира — настоящие гнездо. Так и толпятся в прихожей, дверьми так и хлопают. Но мы — молчок. Что скажешь? Дети! Пускай бегают. И мы миримся. И я, и Рая, и Вова. Нам что? Нам лишь бы не посягали на наши культурные и всякие прочие интересы.

Но что им до нашего идеала? Они не могли не посягать. Такой уж у них неуживчивый характер.

Не соседи, извините, а ости. Ячменные! Так и лезут, так и лезут во все щели, куда их и не просят.

Ну, умылся, например, Вова утром и забыл закрыть воду. Что тут такого? Водопровод исправный, никакой потоп никому не угрожает. Воды тоже, слава богу, хватает, не ведром носим. Так нет, они уже тут как тут со своей месячной претензией.

— Ваш Вова никогда не закрывает за собой воду!

Гм! «Никогда!» Уже «никогда». А откуда это видно, что «никогда»? Где свидетели? Нет! Какие же могут быть разговоры?

Ну, ладно, не будем ссориться. Смолчал я. Сказал мальчику, что прекрасные наши Иванченки сердятся, что Иванченкам не нравятся, когда он не закрывает воду. Но мальчик есть мальчик: в тот же день опять забыл. И что вы думаете? Смолчали? В тот день, правда, смолчали. А на следующий подняли бучу. Опять взъялись раздувать ту же самую дискуссию: не закручивает утром, не закручивает вечером, вода журчит и журчит всю ночь, не дает спать. Мы спим, а они, видите ли, не могут. Понимаете, господа большие! Кому это может понравиться? Я наконец не выдержал, топнул ногой: что за контроль? Кто вас уполномочил? Я за воду плачу или не плачу? Плачу? Все! Оночнен разговор! И вообще, что за крохоборчество? Не в Сахаре живем, слава богу, а в самой богатой стране мира. И к тому же на берегу большой реки. Хватит всем. И прошу нам не указывать, когда закручивать, а когда не закручивать! Без вас, умников, разберемся!

Ну, мои милые соседи и не выдержали, забрили отступление по всему фронту. Вывесили объявление: меняемся.

Меняйтесь! Пожалуйста! Планать не будем. Нам что с вами, что без вас. Без вас даже лучше...

После Иванченков комнату занял новый, по всему видно, культурный человек — Петренко. Педагог. Ботаник. Правда, и у него очень скоро обнаружили свои странности и причуды или как там оно называется... Прежде всего он приволок с собой грушу. Посадила во дворе, полил. Еще полил. И каждый день поливал. И утром и вечером. Удобрений каких-то положил, ветки пообрезал. И что вы думаете? Я сам не поверил бы, если бы не видел. Принялась! В середине мая! Ну? Представляете?

Из-за этой груши, чтоб она высохла, и начался у нас конфликт с этим ботаником-фанатиком. Вова ехал на велосипеде и нечаянно наскочил. Груша, понятно, поломалась. Жаль? И мне жаль. Ну что тут такого? Кто не ломал? Все ломали. И никакой тут драмы, а тем более трагедии я не вижу. Дерево есть дерево, и ценить его больше

человека никто никому не позволил. Все нормальные люди так думают. Но не так думает этот несчастный фанатик. Он думает, что его обстриженная груша ценнее нашего Вовы. Поймал Вову и принялся его отчитывать. Мол, уже юноша, усики чернеют, и девушкам бегаешь, ни одного деревца не посадил, а ломать ломаешь! И все такое прочее. Да еще при людях!..

Кому это может понравиться? Я сказал этому шелудивому воспитателю: — Хоть вы и педагог, но не суйте свой длинный нос в наш овец! Юноша или не юноша, чернеют усики или не чернеют — не ваше дело.

Вы думаете, на этой злосчастной груше наш конфликт с педагогом и закончился? Как бы не так! Еще за одно дело уцепился наш прекрасный сосед. И за какое дело, боже мой! За политическое! За наше радио. Почему оно у нас никогда не выключается. Днем играет, ночью играет, вечером играет, утром играет. У него, видите ли, голова трещит. Представляете?

От нашего советского радио у него голова трещит! Вот до чего докатился этот человек. Вот каким душком от него разит! И он смеет читать мораль нашему Вове! И ему доверили воспитание подрастающего поколения! Ну? Вы видели такого педагога?

Я сказал: этот номер не пройдет! Поскольку тут дело политическое и нужны свидетели, я позвал к себе соседей и рассказал им, каким опасным и подозрительным духом несет от нашего прекрасного соседа. Вы думаете, соседи поняли меня? Соседи у нас такие аполитичные и бесценные, что не только не поддержали меня, а все, как один, стали на его сторону и общими усилиями напали на меня. Их, видите ли, тоже нервирует и злит мое радио: зачем я его ставлю за окно, почему не выключаю, когда ухожу из дому, и так далее, и тому подобное. Представляете? Я сказал: не будет по-вашему! Я люблю радио и буду любить! И ничьи наприказы-нервы мне не указ! Можете успокоиться. Если на то пошло, я могу на свое окно посадить даже рыкающего льва. И никого из вас не спрошу и не подумаю спросить, хоть вы тут все вместе на дыбы станьте передо мной. А за то, что вы выступаете против радио, я еще просигнализирую куда следует и кому следует. И мы еще посмотрим, чем это ваше организованное групповое выступление закончится... А что? Скажете, должен был сдаться? Дудни! Не на того насочили!

И правильно поступил. Это подтвердилось уже на второй день: соседа моего как и не было. Ис-

чез! Словно перепуганная оса: фрррр! И нет. Туда и дорога. Что, я за ним гнаться буду? Очень нужно!..

На третий день я хотел было взломать замок и присоединить его злополучную комнату к своей квартире. А что? Прраз! И никаких диспутов-конфликтов. Но тут подъехала машина, и новые жильцы начали переносить свои пожитки. Вот с ними-то мы и хлебнули горя! Уж как они к нам придирались — этого я вам и рассказать не могу. А потом и совсем несообразное придумали: однажды утром размалевали петицию, подписали — сорок душ подписало. Представляете? И в городской Совет.

О, чего только они обо мне не записали! И такой, и сякой, и эгоист, и спрут, и садист. Боже мой! Я не знаю, как выдержать все это.

И это еще не все. Главное — вывод. Страшный вывод: выселить! Это меня — выселить! За что? Куда?

Я сказал: этого я так не оставлю! Вы еще узнаете силу Вадима Вадимовича!

В тот же день написал контржалобу и побегал в городской Совет.

Вы думаете, мне повезло? Во-первых, к председателю не пробьешься — такой базар у него перед дверьми. Во-вторых, никто тебе не сочувствует и не хочет пропустить. Будто не видят, что это не просто жалоба, а судьба, судьба твоя решается! И, в-третьих, в кабинете председателя, а также и у его заместителей сидят, онаязываются, такие же типы, как и мои милые соседи.

Мою жалобу они бросили в корзину. Что? Ай, боже мой, ну, не в корзину, в архив, какая разница! А решение приняли как раз такое, какое требовали мои прекрасные соседи: выселить! В двадцать четыре часа!

Я думал: тут мне и конец. Сойду с ума. Но у меня есть Рая. Есть Вова. Что будет с ними? Как они, бедные, переживут такой смертельный удар?

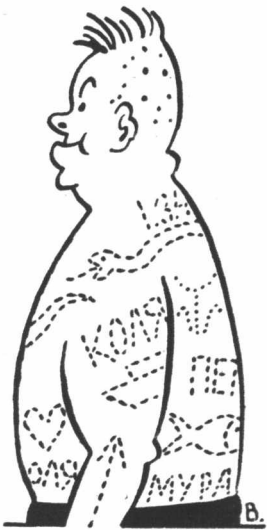
У Раи в Одессе есть родня. И в Виннице есть. И еще где-то есть... Рая говорит:

— Не падай, Вадя, духом. Свет не без добрых людей, а мы с тобой не без счастья, поверь мне...

И что вы думаете? Я поверил. Умница моя дорогая! Она вернула меня к жизни. Она расправила мои подрубленные крылья. И я сказал: ладно! Прогоняете? Мы уедем. Мы оставим вам эту вашу паскудную квартиру, которая принесла нам столько горя и обиды. Но не радуйтесь! Не веселитесь! Не думайте, что мы погибнем, что нам уже конец. Дудни! Лапацкий и его род умеет выкручиваться. И мы еще где-нибудь прилепимся! Приживемся! Пустим корень. Обязательно пустим. Будьте уверены! Где? О! Чего захотели! Этого я вам как раз и не скажу. Прощайте! До новой встречи!..

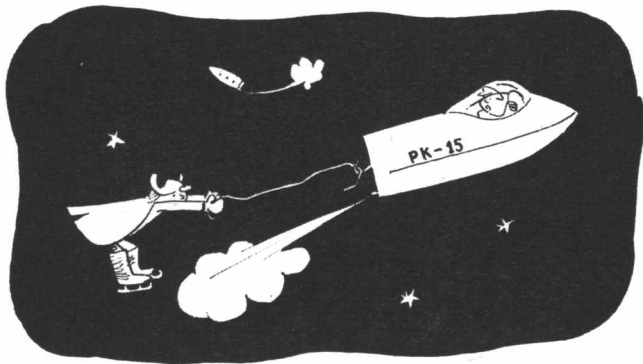
Авторизованный перевод с украинского Е. ВЕСЕНИНА.

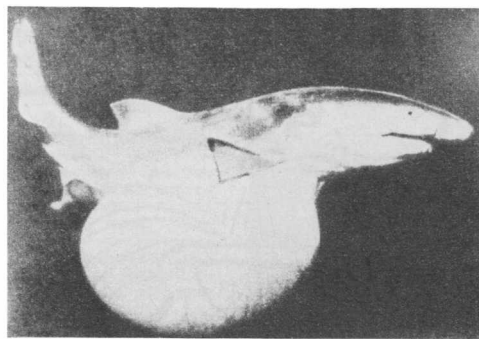
Резьба по дубу.

Рисунок М. Вайсборда.

По привычке.

Рисунок В. Каневского.

ПРОЖОРЛИВЫЙ МАЛЕК

На фотографии, взятой нами из японского журнала, изображен детеныш собачьей акулы, которая обитает в прибрежной полосе европейских морей. Только что родившиеся акулы очень прожорливы и, когда хотят есть, не считаются ни с какими «родственными чувствами». Доказательством этому служит объевшийся малек, который с жадностью проглотил своих братьев.

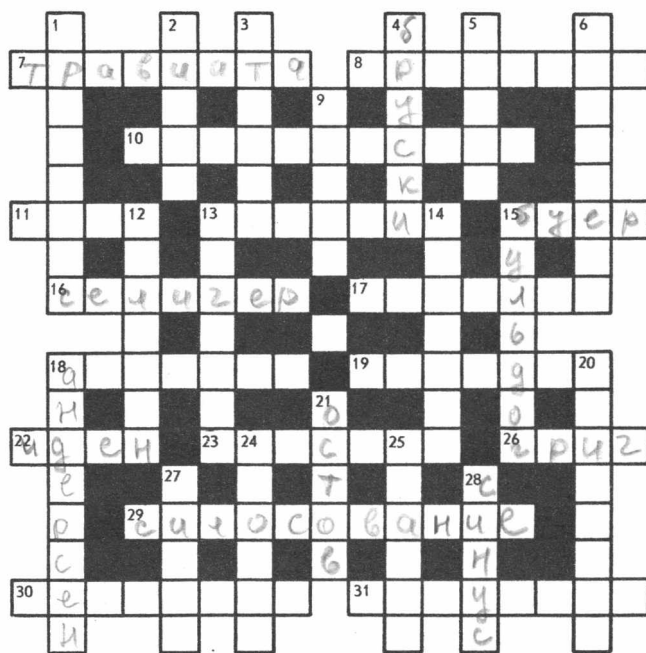
Подновляют...

Рисунок И. Сычева.

Подарок.

Рисунок В. Гальба.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Опера Верди. 8. Спаржевая капуста. 10. Русский биолог-дарвинист. 11. Стальная заготовка. 13. Русский писатель и библиограф. 15. Парусные сани. 16. Озеро на Валдайской возвышенности. 17. Лесная певчая птица. 18. Советский химик, академик. 19. Дорожная машина. 22. Герой романа Д. Лондона. 23. Пролив в Курильском архипелаге. 26. Датский композитор XIX века. 29. Заготовка и хранение кормов. 30. Гриб. 31. Автономная республика.

По вертикали:

1. Современный греческий поэт. 2. Приток Северского Донца. 3. Зобастый аист. 4. Роман Ф. Панферова. 5. Помост для спуска судна. 6. Основоположник городского пейзажа в русской живописи. 9. Сподвижник Богдана Хмельницкого. 12. Духовой инструмент народов Средней Азии и Кавказа. 13. Двоякодышащая рыба. 14. Деталь велосипедного колеса. 15. Породы собак. 18. Негритянская левизна. 20. Излучение. 21. Каркас. 24. Рыболовная снасть. 25. Африканский порт на Атлантическом побережье. 27. Смолистое вещество. 28. Тригонометрическая функция.

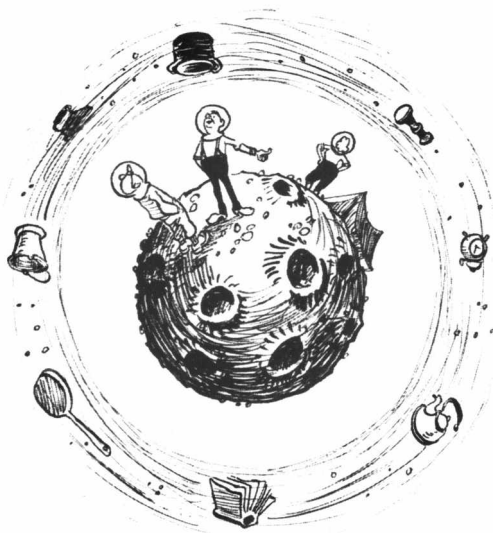
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 48

По горизонтали:

7. Маресьев. 9. Диафания. 10. Валторна. 11. Саврасов. 12. Родий. 13. Возах. 14. Ситец. 17. Аромат. 18. Иматра. 19. Лыжник. 21. Алехин. 26. «Школа». 27. Флора. 28. Схема. 31. Костылев. 32. Закарaina. 33. Пионерка. 34. Автоклав.

По вертикали:

1. Сахароза. 2. Нейтринно. 3. Пьеро. 4. Жатва. 5. Баталист. 6. Гипотеза. 8. Власов. 9. Дастан. 15. Намиб. 16. Омуть. 19. Лакколит. 20. Желатина. 22. Хохлатка. 23. Наманган. 24. Славка. 25. Призма. 29. Клеро. 30. Скetch.

В МИРЕ НЕВЕСОМОСТИ

— Это мы вчера поссорились с женой, и она не считала силу своих бросков.

Рисунок Е. Ведерникова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ [ответственный секретарь], Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ [заместитель главного редактора], Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Рукописи не возвращаются.

Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10535. Подписано к печати 25/XI 1959 г. Формат бум. 70×108½. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 500 000. Изд. № 1564. Заказ 2760.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

ЧИТАЙТЕ И ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛУСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ «МОСКВА»!

Ведущая тема журнала — современность. Крупные художественные произведения — основа журнала. К участию в нем привлечены известные советские и иностранные писатели и поэты, критики и журналисты, крупные общественные деятели, ученые, работники искусства и новаторы промышленности и сельского хозяйства.

В ближайших номерах редакция журнала предполагает опубликовать новые романы: **А. ВАСИЛЬЕВА** «Понедельник — день тяжелый» (сатирический роман), **Ф. ВИГДОРОВОЙ** «Семья», **Н. ВИРТЫ** «Канал», **Г. МАРКОВА** «Соль земли» (кн. 2), **Л. ОВАЛОВА** «Добрый приятель», **Г. СЕВУНЦА** «Пленники».

Для журнала «Москва» работает над продолжением романа «Они сражались за родину» **Михаил Шолохов**; заканчивают новые повести **Анна Каравалева** — «Остановить невозможно» и **Лев Никулин** — «Трус»; предоставляет журналу сценарий фильма «Русский сувенир» народный артист СССР **Г. Александров**.

С новыми произведениями выступают на страницах журнала писатели: **Н. Асанов, Г. Березко, С. Борзенко, К. Лапин, Б. Полевой, Е. Поповкин, Н. Почивалин, С. Сартаков, К. Симонов, Л. Соболев, Н. Тихонов, И. Шуков, А. Югов** — и поэты: **Н. Асеев, А. Ахматов, В. Боков, С. Васильев, Р. Гамзатов, Е. Долматовский, Н. Доризо, М. Дудин, В. Журавлев, М. Исаков, В. Казин, С. Кирсанов, В. Кулемин, М. Львов, Л. Мартынов, С. Орлов, Л. Ошанин, А. Решетов, Б. Ручьев, С. Смирнов, Н. Тряпкин** и другие.

В январском номере журнала публикуется большой путевой дневник **З. Косенко** и **Н. Михайлова** «Американцы», иллюстрированный цветными фотографиями авторов. В этом же номере со статьей «Никита Хрущев в Америке» выступает американский писатель **Митчел Уилсон**.

Журнал богато иллюстрирован. В каждом его номере помещаются восемь полос цветных художественных репродукций и бесплатное приложение-вкладка «Для нашей семьи».

Подписка на журнал «Москва» принимается во всех отделениях связи.

Подписная цена на год — 72 руб., цена отдельного номера — 6 руб.

Своевременно оформляйте подписку, так как в розничную продажу журнал поступает в крайне ограниченном количестве.

Москва

1
1960

1960

1960

Цена номера 3 руб.

